

ФЕДОРЪ

И

МАРИЯ

ОДЪ

М. Д. Р.

I. Свезка.

Ms. A. 9. 2. 396/A. 1

Р. П. 706/1
Р. П. С. П. 396/1.1

ФЕДОРЪ и МАРИЯ,

ИЛИ

ВЪРНОСТЪ ДО СМРТИ

О Д Ъ

Милана Давида Рашића

ПРАВОСЛОВА

СВЕЗСКА I^{ва}.

У БЕЧУ

ПЕЧАТАНО ПИСМЕНЫ БРМЕНСКОГ' МОНАСТИРА.

1852.

БЛАГОПОШТЕНОРОДНОМУ
ГОСПОДАРУ,
ГРАЂАНИНУ
И
ВЕЛИКОКУЩУ БУРСКОМЕ,
РЕВНОСТНОМЪ СРВИНУ И ПОДПОМАГАТЕЛЮ
КЪИЖЕСТВА

АНДРЕИ МАРКОВИЪУ,

КАО ЗНАКЪ ВЕЧИТОГЪ СПОМЕНА

И

БЛАГОДАРНОСТИ

Посвећуе

Миланъ Дав. Рашићъ

Правословъ.

Свак' се слави дѣломъ своимъ!

Слав' се дакле и Ты! Твоимъ!

М. Д. Рашићъ.

И

Начење
Милошъ Рашићъ
Православъ

ВЕЛИКОДУШНЫЙ СРБИНЕ!

Између свию красни черти, кое благородно срце и велику душу карактеризираю, безпрекословно, прво место заузима: „великодушие!“ и ово кад' бива одъ едне стране; одма као одекъ одъ друге стране мора, по самым' законима природе, да слѣдуе: „благодарность“ уравной мери, — коя треба великодушие, да подранюе.

Но каогодъ, што су сви предмети у свету различни; исто су тако и люди различни, што се свойства душевны' тиче. Одкуда слѣдуе, да се о едном' човеку каже: овай є благодарѣтеланъ, благодаранъ, признателанъ великодушанъ и штедаръ; а и напротивъ: овай є неблагодаранъ, непризна-

теланъ, злонраванъ, малодушанъ, или напослѣдку сребролюбивъ.

Ясамъ истина до сад' много пута, што се Вашег' карактера тиче, слушао: да сте штедаръ и великодушанъ, сирѣчь: да нигда промашили прилику нисте и поѣдиным' людма у помоћъ притицати; а особито оныма, кои се о напредку и просвети народа нашег' Србског' труде.

Ово ми е дало повода, да самъ имао честь дѣло ово мое, — Вами, као штедромъ и ревностномъ Србину, Вечитог' спомена ради, — посветити.

Штедрота Ваша подкрѣпиће и подранити' у мени волю и желю, да по силама ми урођеным' на полю Кнѣжества за народъ нашъ Србскій, одъ сад' и охотниѣ дѣламъ; ерѣ сте управо стыме осведочили, да Вам' напредакъ и просвета, народа Србског' много на срцу лежи. Ово благородство душе Ваше према Србству да обелоданимъ само чувство благодарно-

сти и признателности изискує, а и оно
изречениє :

„Грѣота є да се добро незна!

А све подло да се заборава!

принуѣава ме. —

Но Вы ѣете ми можда примѣти-
ти: *Да нечинише добро, благодарно-*
сти, или користи какве ради; веѣъ
само зато да чинише добро; што є
оно дѣло само по себи добро!“ Ал’
то є управъ онай знакъ Вашег’ до-
брог’, штедрог’ и великодушног’ ср-
ца. — Забадаваѣе неко добро да гово-
ри, ако зло мысли и твори; забадава-
ѣе се неко поносити свѣтлымъ име-
номъ свои предкова, и празнымъ ти-
тулама, ако су дѣла нѣгова мрачна и
тамна; єрь С. П. вели: „*Кійждо одъ*
дѣлъ своихъ; или прославишся; или
посыдишся!“ — А да се ово изре-
чениє подкрѣпи народня пословица
каже •

„Учини добро, некай се!

Учини зло, надай’ се!“ —

Ябы дакле исподъ достоинства чо-
вечества быо, кад’ не бы ово благоро-

дно чувство Ваше велике душе изъ благодарности предъ народомъ Србскимъ прославио и памятникъ у срцама и найпоздніи потомака подиго.

Примите дакле одъ мене у име цѣлог' сада живећег' Народа Србског' признательность, а потомство ће Вам' и већма благодарити знати и име Ваше, као штедрог' и великодушног' Србина дубоко у срце свое неизбрисным' словомъ уписати па и похвалити се моћи: да има, и да є было Срба, кои' родъ свой пламенно любе.

Желећи Вам' свако добро; єсамъ и быћу, докле ми годъ у прсима срце куцало буде,

У Бечу лицемъ на Св. Савву
Просветителя Србског' 1852.

Найпризнателнии

Миланъ Д. Рашићъ,

Правословъ.

У МЕСТО

ПРЕДГОВОРА.

ПРИНЦЪ

МУВА И ПАУКЪ.

(Првобытна мысао)

Све што Господъ сотвори,
О човече, некори! —
Ерѣ теб' ради онъ сазда,
Да се служишь тим' вазда! —
Та теби су одъ ползе
И сви црви, што пузе!

Принцъ быяше еданъ младъ,
Ког' виѣаше свако рад'!
Да с' лепоте нагледи
И са ньиме беседи! —
Па и еданъ Списатель
И народа Учитель
Обуче се сирома,
Да бы очо до дома;
Гдѣ бы принца видио
И са ньим' беседио! —
Кад' ал' Принца истый данъ
Напао е смртный санъ,

Те задрема и усни ;
Мува да му с' на усни,
Посадила и седе
И да г' малко уеде! —
Док' е принцъ нашъ то сниво ;
Ал мува' е сад' живо ,
Па въздуху летила
И на нѣга слетила!
Те му паде край чела
И люто га уела;—
Сад', кад' принцъ се пробуди,
Муви яко науди;
Ерѣ мува се тад' смете
И у мрежу заплете,
Оног' страшног' паука
За све муве баука. —
Кад' се мува увати,
Гдѣ ће главомъ да плати ,
Почне ядна да кука
Па да видишъ яука,
Када мува зазучи,
Принца то сад' узмучи
И мука га попаде
Гледаюћи те гаде,
Како паукъ сплеташе
И муви наметаше
Своя страшна та ужа
Пакъ се после онъ спужа ,

По нѣговом' ужету
И дође канабету,
На ком' принцъ пре спаваше
А сад' чудо гледаше,
Како тражи юшъ паукъ,
Муве дигнут' у воздухъ. —
Принцъ се на то разсерди,
Слуге стане да грди,
Зашто собе нечисте
И гадове нениште;
Пакъ повиче яростно
И као малко пакостно:
*„И природа незнаде,
Зашта сазда те гаде!“*
*На што паукъ и мува
Па сшеница и бува? —*

* * *

Млого дана већъ прође,
Кад ал' у ловъ принцъ пође;
Те некако с' изуми
И заблуди у шуми! —
Одъ умора онъ паде
А и санъ м' с' подкраде;
Те онъ заспи ко закланъ
Ние чудо читавъ данъ
Све по шуми блудити
А за дворомъ удити!

Кад' ал' мува му паде
Око уста и браде
И већъ почне да боде;
Ево за ме слободе!
Помыслила тад' мува
И дође му край ува
Щеце Принца сад' здраво,
А принць скочи управо
И предъ собомъ онъ види,
Кой се никог' нестиди:
Арамбашу айдучког'
Вазда дивлѣг' и мучког',
Койно иде да лови
По сви густы лугови,
Ал' не шумске зверове
Веће умне створове! — —

* * *
Принць оружя се маши
И айдука заплаши;
Айдукъ у махъ прикличе
И повиче: човече!
Немой пуцат' на мене,
Одма идемъ у стене! — —

* * *
Одгле принць сад отиде!
Пође мало, пакъ виде:

У камену пећину,
Гдѣ да туге му мину,
Одъ жалости велике
И ове неприлике! —
Сву ноћь принцъ ту преспава,
Ал' узме га текъ страва,
Ерѣ у зору айдуцы,
Нушкали су ко вуцы!
И дођеду къ пештери,
Кано горски сви звери
Па говоре предъ врати:
„Ту се вальда онъ сврати!
Айде брате преднячи!
Одъ насъ неће быт' ячи!“ —

* * *

Кад', ал' паукъ на врати,
Почем' принцъ се ту сврати,
Обноћь мрежу оплете,
Гдѣ да муве улете. —

* * *

Кад' айдуцы то виде,
Одъ себе се застиде!
Нема рекну ту никог!
Паукъ нам' е тог' сведокъ! —

* * *

Принцъ, кад' ово саслуша,
Задркѣ му сва душа;

Па се сети текъ саде
Зашт' природа саздаде,
Муву па и паука,
Ловца, а безъ наука.

* * *
Сад' се принцъ нашъ научи
Да не валя, да с' дучи,
Ни одъ гада самога,
А камо ли одъ свога
Брата, сваког' човека
Ког' пушташе да чека, —
Предъ нѣговим' вратима;
Па ма' была и зима; —
Докъ се найпре улюди!...
Те имаше онъ ђуди! —

* * *
Принцъ кад' ово научи
Списателю поручи:
„Да онъ свету обяви
Нек' природу свак' слави!“
Ерѣ природа што сазда,
Све обвеза за вазда:
Едно друго да служи
Да се любви и дружи! —
А што паукъ мувама
И остальм' бубама
Мреже свое заплеће:

Ние вел'ке несреће!
Сръ пауцы и обадъ
И савъ другій онай гадъ!
Безумна су створеня,
Одъ природе створена;
Ал' кад люди людима
Свакъ по своим' ђудима
Позаплећу вигове
И ньи бедомъ улове. —
Онда гледай яда текъ
Како страда тай човекъ;
И онъ виче: *напастъ е!*
За ме ово пропастъ е! —
Ал' га нико нечуе;
Већъ шта више свакъ псуе!
Зашто с' ние чувао;
Већъ у напастъ упао! —

* * *

Тешко ономъ кой чека!
Овда, онда, до века! —
Ко е рођенъ да е робъ!?
Болый му е вазда гробъ! —

* * *

Та човекъ е самоцѣль!
Каж'те само Срби, ел?

Та человекъ е господарь!
Цѣлог' створа правый царь,
Ког' природа постави,
Да е вазда онъ слави,
Преуноси, уздиже
А и цѣли да стиже,
Дакле ни е робъ человекъ,
Веѣъ самоцѣль онъ увекъ! —

ОПОМЕНА.

Князь Федоръ Долгорукий, сынъ Лукиѣа, по-
вративши се изъ Германіе у отечество свое,
Руссію, пише слѣдуюѣе Писмо своме саучени-
ку Густаву Нѣмцу, у кога се куѣи онъ во-
спитавао, и съ коимъ е зреліе младости го-
дине проводио.

I.

Петроградъ 1725. год.

Ево ме опеть овдѣ, премилій Густаве! у
мом' укоченом' Сѣверу. — Молимъ те, не мой
помыслити! па ни реѣи, да ме е властолюбіе
изъ твои' наручія изтргло. — Тако ти наше, за
ѣдно проведене младости, не реци то! — Закли-
нѣмъ те са поносным' снима, кои су срца наша
пунили и узвишавали! Снима? Са овимъ наиме-
нованѣмъ руга се мудро, све то више пузеѣе
властолюбіе, предчувствованіяма болѣ душе, бла-
городниег' поноса самог' себи довольног' срца.
И да е само то! о, да е само то! та, са овимъ
именомъ изсмеява [на престолу погнутый, сра-
мный властолюбаць добродѣтель, ону, найблаго-
роднию надежду рода човечнег', да е у себи не-
што! —

Не, Густаве! ни є ме властолюбие изъ твой наручя, изъ волшебни шумарица' приятнога Мая, изъ таласаюћег' се мора оны' славуиски' гласова', изъ топлот' задая твог' отечественног' воздуха изтргло, и немилостивым' рукама на ону землю бацило, изъ кое едва цвѣтакъ ниче, коя пролећа непознае, и гдѣ изъ леденог' крила зиме, само жаркій пламень лета произилази.

Вѣруй ми! све ове велике промѣне, кое се, у мом' отечеству догађаю, мимо мене пролазе као променујући се дани. Све што желимъ, то є: да видимъ напредакъ нѣговъ, и збогъ тога себе пренебрегавамъ. А ишта быя мого, овимъ моимъ топлимъ и мекимъ срцемъ, да желимъ, у тескоби овы' ладны', тврды' кипова', кои траже само зато високо да стоє; како бы могли да разораваю общте добро, у место, да га подпомажу! — Великій онай мужъ, кои є добра чинити мого; ерѣ више неимаде шта да жели, мртавъ є! а сви су остали по найвише себични, па збогъ тога и забораваляю, да су сынови отечества. — —

Не, Густаве! кад' погледимъ на садашнѣ гоненѣ и предузиманѣ, плашльиво памтенѣ и стражаренѣ, продирућу мрзость, боязльиву зависть, суетне бриге, кое се на оволико многым' лицама са страшным' чертама изваяне виде; све ово огадило ми є властолюбие.

Оно є отечество, штоно ме є изъ твога наручя изтргло. — Отечество, Густаве! ни є

земля, ни е поднебие предѣла у ком' смо рође ни, отечество, приятельска лица пунна любви, коя іошъ одъ младости познаемо, то є! — Ты называшъ мартерный мой языкъ суровимъ. Нек' є! а мени є онъ языкъ любви, вѣрности и побожности. Овымъ суровимъ языкомъ треба да се Богу молимъ, ако желимъ, да ми се молитва, за подсмей неузме. О! ако ми игда любѣна девойка: „*я те любимъ*“ рекне; то нек' овимъ языкомъ буде, коимъ є мати моя, док' самъ іошъ неячакъ быо свое побожне благослове на мене сазивала. Колико добро твоимъ языкомъ и говоримъ Густаве! опетъ ми є туѣ за свагда; еръ га у детинству знао ни самъ. На нѣму ништа чувствително чуо ни самъ, до увѣреня о твоє приятельству; а кад' насъ є ово одушевлявало: — Густаве! вѣруешъ ли? да у оным' светым' тренутцыма запечаѣавале су сузе свезу у нашим' очима; устне су ѣутале, еръ бы требало, да я ово осеѣанѣ матернымъ моимъ языкомъ изразимъ — Матерный языкъ колико є знаменитъ! Та ко люби као Мати? — као што си и ты твоимъ, изражавао. Шта те привлачи на страни тако силно к' незнатном' земляку? Само гласъ любви, нѣговъ языкъ. Ето шта ме є изъ земальског' рая у вѣчну зиму тако силно привукло.

Старог' честидостойног' Фелдмаршала Василия често виѣамъ. Онъ бы Князь нашег' дома быо, да се тако и неименує. Зову га: Роптательмъ, досаднимъ Нравоучителмъ, и опетъ га

сви рођацы наши поштују, и сви се у случаю несреће какве, око нѣга скупляю.

„Чегга ради дошо си' Сыновче?“ рече ми кад' ме нѣму представише, и метну ми дрѣтаюћу руку свою на прси мое. „Заръ е и ово срце“. настави онъ умилно смешеѣисе „већъ престало да куца за радость, за любовь, за срећу живота, заръ су и теби већъ снѣ пастырског' живота, ко- либа и радостне преславе любви додѣяле? С- няшъ ли и ты већъ о знаменитым' достоинства- ма, о властима и отличностима? На еданъ путь му погледъ потамни, „*Любезный Федоре!*“ рече ми са важношћу; „*Име, коѣ носишъ, доста ће ше рано на море, пуно непогода позваши и међу стѣне пуно развалина. Овде видишъ,*— обрну ме мало к' друштву — „*све знаменише и велике мужеве швога Ошечества, а ено и наймоћниѣг', међу нами!* (Овде даде знакъ на Менцикова). *Веруй ми да сѣйна звезда на прсима нѣговим', срце пуно бриге покрива, и лака, леиршаюћа се свега ордена, само е жа- лошћу и бѣдомъ добивена.*

У вече остаде сама наша родбина. Отаць мой учини ме на образе, кои у сѣли высяху, приметна. Заиста Густаве! кад' погледá мое родоначалнике, коѣ самъ сад' првый путь прилику имао, да видимъ, бы за мене одъ найвеће важности. „Само име Долгорукий“, рече ми Отаць, позова те да за высочество дома твога живишъ. Ево! ово су сви твои' стари одъ

Алексия. Они су сви испунили знаменѣ нашегъ, имена, руке њине носале су владательску Палицу *)

Фелдмаршалъ се осмену. „Лукићу!“ рече онъ, „та кажи сыну твомъ између свию тѣи Долгорука’ и оногъ’ едногъ’, кои в срећанъ быо, мирно живио и мирно умро, безъ да в познао свирѣпу волю среће. Погледай га!“ Онъ ме одведе к’ едномъ облику, кои полакъ сакривенъ беще. „Овай се позываше, као и ты Федоръ, и живио в на своимъ добрама, као што му овде обликъ и виси, сакривено. Нѣму оскудѣва свакій знакъ высочества, о нѣму се ништа друго не може казати, до : „быяше срећанъ!“

А ево овде, рече мой отаць мало чувствително, и тебе Василие! Палица ти нестой лоше. Фелдмаршалъ се обрну брзо к’ момъ отцу: „Садъ в седамъ година, одъ како Москву остависмо; Ноћъ едну преноћисмо у колиби сиромашногъ селянина некогъ, кои в край жене свое седно и радости пунъ гледао око себе петоро дечице свое, како се играю. А кадъ му братъ изъ града дође, и приповѣди жалостне догађае царске породице; смръть младога княза. Домаћинъ нашъ пребледи. И онъ и жена му повуку стрепени и са сузама сажаленя децу свою к’ прсима. Лукићу! онда ми ты прицапта: „Чо-

*) Долгорукій, управо Дугорукій; но по некой пословицы познатой, такође и владательска рука.

векъ овай може супругъ ошацъ, брашъ, да буде; велики люди на земљи овой шо не могу. А кадъ Землѣдѣлацъ дознаде, да смо и мы одъ отличны, — онда онъ главомъ машући рече: „Вы управ' шреба да благодарите Богу, што сше се ослободили, и више се у дворѣ царскій враќаши нећеште! — Лукићу! онда га ты увати за руку и рече, као одушевленъ: „Нигда се више на несреќно оно место враќаши нећу! Оћу среќанъ да будемъ као и шы! ошацъ као и шы!“ — „Е, па буди ево ти сына!“ Онъ ме одвуче у наруч'я отца мог' и загрли насъ обоицу.

Я садъ самъ остадо с' Фелдмаршаломъ. Кад се хтедосмо разстати, рече ми онъ: „Векъ самъ двапушъ у пропастъ несреќе шонуо; садъ оћу мирно да умремъ; Федоре! само є єданъ Долгорукій быо среќанъ; буди шы другій!“ Шта треба да чинимъ? упытамъ га. „Немой да будешъ властолюбивъ“ одговори онъ. Я га загрлимъ и заречемъ се ово самом' себи на нѣговом' срцу, кое є сво огрезло у властолюбивым' ранама, и садъ текъ у последным' днима старости спокойства тражи, да нађе.

II.

У Поцеку Хвра 1725.

Ево, Густаве, па читай! Я живимъ у новоме свету; лепше пролеће, нег' што в твоє, у срцу є мом' настало; сјайниє, блажиє сунце озарава и греє са стогубимъ безконачнимъ животомъ быће мое; прохладителанъ и сладакъ живота зади-сай прелива светъ, у ком' дишемъ. О, шта самъ я преће быо! шта! како ми є сад' све ново! и живо! — Божественно створенъ, стои безконачно пред - а - мноу као и животъ. Сад' тек' осећамъ, да єсамъ; преће самъ дисао само, и продужавао быће мое као травка; сад' є тек' мртво уображенъ одушевлено.

Найраднє бы ти чувства душе мое у две, три речи саставио, ал' ил' овако, ил' онако, свакояко ме разумети нећешъ. — Мой отаць имаше намеру, да я у двору живимъ. Сродници мои — вѣруешъ ли ово? ласкали су моме стасу. О овом' самъ се са благороднимъ Фелдмаршаломъ срднито разговарао, и угреємъ се. Онъ ме смешећи се упыта: „да шта ћешъ сыновче?“ Шта ћу? Оћу да идемъ одавде, немогу више да гледимъ, што видимъ. Ние ми могуће тайно мрзити; милии бы ми быо войничкїй чинъ —. Мы се не можемо вышше Княза Менцикова испети; али — молимъ васъ драгїй чико! бы ли мы другчнє радили,

и ег' што онъ ради, да смо на нѣговом' месту? — „Тешко сыне! ... дакле войничкѣй чинъ оѣнешъ? Добро!“ —

Другѣй данъ одма добиѣмъ одъ Царице до пуштѣнѣ, да идемъ к' Генералу Матушкину на Персѣйску границу, и то као Самовольникъ на Шамшала да воюѣмъ. *) Я поитамъ, и веѣтъ 20 Септемвра доспемъ у Светѣй-Крстѣ, нову тврдиню, гдѣ ме Матушкинѣ отечески прими. Осамъ дана после, нападнѣмо дивлю войску Татарску. Я самъ се поредѣ Генерала борио; скупимъ неколико Ескадрона Драгонера, кои су одѣ неприятеля были разтерани и предѣ нѣима се бацимъ у најтешнѣ гомиле неприятельске. Напрасно ово нападанѣ разagna Татаре. Моима Драгонерима слѣдовали су пешаци; неприятельи буду разбиѣни, и разбегну се у планине.

Генералъ загри ме предѣ войскомъ и припише мени победу. Погнамо после неприятеля, узмемо му главанѣ градъ Тарху, и война буде, свршена. Матушкинѣ напише своѣ извѣстѣ Царици и каже ми да ѣу га я носити. Я се станѣмъ затезати; но онѣ заповѣди, и я морадо га да послушамъ.

На неколико дана хода предѣ Петроградомъ стигнемъ двоѣ саонице, коѣ су готово као и самъ, хитно путовале. После подне доѣмо до едног' ѣзера, коѣ ѣ напрасномъ кишомъ, изливна се

*) Шамшала, или Шемшала, звали су се князевн Дегестански.

рѣка нека причинила была. Станемъ предъ колебомъ единомъ, коя се у предѣлу овомъ налазаше, и поищемъ, или сплатъ, или спроводителя единого, да ме к' другомъ каквомъ прелазу одведе. Житель колибе ове рече: да ми само стрепенъ помоћи може; да е ово единый путь, кои у Петроградъ води. Жена нѣгова увѣраваше ме, да е предѣлъ на далеко полавльнъ и да бы више издангубно обилазећи, нег' ако би пречекао, док' у ступи. Сад' приспеше и оне саонице у коима неколико госпоѣа' седише. Служители нѣини, кои ми се са предѣломъ добро познати чиняху, такоѣе су ме уверавали, да се найдуже данъ еданъ пречекати мора, док' вода одтече.

Госпоѣе сиѣу са саоница; по изгледу мати и две кѣри, благородног' стаса. Лица имъ нисамъ видно, ерѣ су завесомъ покривена была. Скупоченость постава' нѣины', меѣутим' ми е показала, да мораю знамените неке Госпоѣе бити. Уѣосмо у колибу; а, ние — стадо смо предъ врати, ерѣ насъ несносанъ смрадъ срете. То я никако сносити немогу! рече стария Госпоѣа. — „Морре!“ викну човекъ еданъ, кои до нѣи стаяше, незлобном' селянину: „набави нам' другу куѣу!“ — „Одкуда бы онъ то мого?“ рече Госпоѣа укораваюћи га. „Нек' наѣе, мора е наѣи!“ викну онъ найсуровѣимъ гласомъ; или и претеѣи заману са штапомъ.

Я га уватимъ за руку „Господине!“ рече ми Госпоѣа кланяюћи се: „благодаримъ вам'," па се обрте своме пратиоцу, и рече му срдито:

„Заръ никад' нећешъ човечанъ постати? излази напољ! “ Онъ послуша.

Селякъ међутим' стаяше застрашенъ. Госпоя га ослободи; нѣне обе кѣри седоше на землю до двоє упряне деце и увераваху дрктеће родителѣ благимъ и слободећимъ гласомъ, да су мали два анђелка. Само два минута, и већъ донеше за матеръ капу, и за свако дете по другій даръ изъ другій саоница одъ свои' девояка. Сад' шта да се чини? реко я; гди ћемо одстятти? обилазити не можемо; еръ нам' коньи издурати не могу. — Селякъ нам' рече: да у шуми, не далеко одъ обиталишта нѣговог' налазе се неке став, с' маовиномъ заповивене зграде за ловце и дрваре. Седнемо опетъ у саонице наше, и одведени селякомъ, нађосмо неколико, ублизу колеба. У најбольой, коя и мало огњиште имаде, заповедимъ да се наложи ватра, войничкій асталъ с' две, три столице изъ саоница мои унесе, а слуги мом' чай да зготови. Тад' уведемъ унутра Госпође, коє су еднако у саоницама своим' седиле. Оне ми благодариле са приятномъ и благомъ любезношћу. Стария кћи — зове се Мариа — скиде, предъ огњиштемъ свою капу, и зелену завесу (вълъ), и иза плаве косе претури. Густаве! я зачућенъ предъ анђелскомъ главомъ стадо — девояка одъ свои' петнаестъ година' — са очима — но не! — осмеиваше се — и мени бы, као да се встество у красной сйности блиста. Я самъ истина, лепшии' лица' виђао; ал' нигда' око ког' бы свѣта свет-

лостъ невиности овако се живо саяла; нигда очию, изъ кои бы приятный пламень сваке добродѣтели овако видно прозаравао; нигда уста на кои бы устницама овако благе, любке приятности, у кои би осмеиваню оволико блочестиве благости стаяло. Густаве! я себи морадо съ ватромъ и дрвима посла да дамъ, како само очи с' нье да скинемъ; ерь се е веѣь неколико пута заруменила была. С' ньом самъ изъ єдне чаше пио — другу е мати и сестра іой узела — Ни самъ ли я дете, што ти ово приповедамъ —? па и опетъ Густаве! одъ онда изъ друге чаше непиємъ.

Говоръ нѣнъ быяше певанѣ. Говорила е лепо, ал' не као изъ кнѣиге. Све што бы годъ изрекла, быяше тако наравно, као да се и ни е другчие реѣи могло, а изражаванѣ опетъ исто тако нѣжно и приятно. Я самъ пазно на сваку нѣну речъ, као на хармонию удалѣне и умилне свирке. Све ме е нѣно узхиѣавало — и ово самъ тражно управъ да незатаимъ; но и мати и кѣери чиня ху се да су на похвале навикле, те зато єдва примѣтише. Почесмо се повѣрениє да разговарамо; и садъ показаше обе девойке толико духа и разне науке, да самъ се на ново чудно. У приметном' очекиваню у пытамъ ій: ко имъ е учитель быо? а оне загрле майку свою, и любляху е нѣжно. Какавъ изгледъ. Ништа немого видити до умилног' и безпрестанног смещеня. — Я клеко на колена предъ матеръ и полюбимъ іой руку. „Играте л' се вы са мною?“ рече честидостойна госпоѣа смеше-

ћи се, и овимъ смешенѣмъ као да тражаше тио троненѣ да сакриє, коє іој є очи наводнило.

Не, госпо! одговоримъ іој я, срце мое прикланя се найдостойниємъ суштеству у природи; ! предъ добромъ майкомъ! Свима нама у єданѣ и истый ма сузе у очима блисташе. Кѣри іошѣ нѣжнне загрле майку свою, а я іој се іошѣ ниже к' руци приклонимъ —

Предъ вече нам' казаше, да ћемо моћи по свой прилицы идућег' ютра путовати. Я самъ собомъ одемъ до рѣке и наћемъ є, да є примѣтно опала. Кад' се вратимъ, рече ми служитель єданѣ да госпође нѣгове желе часъ два да спаваю. Усамлѣнѣ седнемъ кодъ ватре, коя є удругой колиби горела, но одма скочимъ и запытамъ човека оног': ко су твоє госпође? а онъ ми одговори: да є нѣму и свим' другим' служителяма строго забранѣно име госпођа' нѣины' казати. — Невесело се обрнемъ и хтедо поћи; но истый ми служитель каза: да се у шуми виде некакви люди, гдѣ чекаю. Истина, да му є милостива госпођа забранила, мени о том' што да яви, да се не бы я узнемиравао; но ипакъ ме учини пазљива, єрѣ се кадшто звижданѣ (по свой прилицы знакъ) чує.

Я одма дадо све саонице наше међу колибе саставити; по надалеко међу дрвима ватре наложити, и све пушке, коє имадосмо, преправити. Колико смо тио ово радили: опетѣ су госпође преправлянѣ наше приметиле, и замоле ме по слушкинѣи єдной да имъ одемъ.

Све три обучене іошѣ кодъ ватре седише.

Морадо им' казати, чега се бојати имамо, и очекивао самъ с' њине стране позориште немира и стра̂; но мати ме упыта, чему самъ се зачудио: „какве су против' тога' мере употреблѣне?“ Я имъ кажемъ — и оне се умире. Кадшто самъ излазио да страже разгледимъ; па после бы повѣрено кодъ ватре седили и разговарали се. — Кажемъ имъ поводъ пута мог' и приповедимъ по зактеваню њином', и кратко мое воеванѣ. Оне заборавише, колико се мало познаемо — па казивале су и оне мени доста коешта памети достойно, што имъ се е догађало.

Я у друштву овы' детиньи людии дете постадо; невино поверљиво дете. На скоро имъ приповедимъ најтайније — најчувствителније случаѣве изъ мог' живота, особито преранну смртъ матере мое, о којој самъ, као и свагда, с' одушевленѣмъ говорио. После самъ имъ казивао како ме е твоя преизредна мати с' тобомъ воспитала; како ме е любила, и како њѣжно мы еданъ другог' и сад' любимо. Я самъ седио међу майкомъ и Мариомъ, и са свим' заборавивши, ко ме слуша, приватимъ руку майчину, као да е твоје матере была. Све су были к' сузама побуђене, и угледъ овога тако ми срце омекша, да се и мое очи поквасе. О! па онда? запыткиваше часъ стария часъ млађа кѣи. Тад' приповеди Мария у меком' гласу любви, да е она са сестромъ Александромъ готово тако исто живила, као што самъ я с' тобомъ кодъ твоје майке.

„Каква преизредна Госпођа!“ рече мати, „како бы радостна была, кад' бы е познала.“

А! рече Марія, и мету руку нѣну на мое раме, као да я не бы чуо, шта она вели, — „А мы бы и заслуживали да е познаемо!“ „О! какавъ бы домъ быо, у ком' бы мы заедно живили?“ додаде млађа сестра. Првый, тако ми Бога, наибольый на свету! реко я, узевши е за руку, а другу самъ Марию пружио, а она као да ударцемъ речи мое потврди; еръ удари рукомъ о мою руку, говорећи: „наибольый на свету! ел' те мила майко?“ Мы обое скочисмо на ноге и после опетъ седе Марія на осмеиваюћий се знакъ майке свое.

Тако прође ноћъ najlepша мога века. У том' нам' селякъ яви, да прелазъ ние више оплавлѣнъ и да е већъ неколико саоница изъ Петрограда овамо прешло. Я се за тилый часъ к' полазку спремимъ и морадо похитати. Нападе ме гроза нека, при помышляю, да Марию може быти никад' выше видити небу, незнаюћи ко су; а опетъ им' майка хтеде непозната да остане.

Я морамъ полазити! реко я, и полюбимъ іой руку. О! да ми оће судба іошъ еданъ путь овако добра быти, као што е юче была! Може быти, да вам' сада за свагда и на вѣки кажемъ с' Богомъ! Али споменъ на среће ове часе неће нигда... „с' Богом сыне,“ пресече ме мати, благимъ дрктаюћимъ гласомъ: „Мы, я и кѣри мое, често ћемо се са радошћу васъ опоминяти.“ Я подиго очи и више суза уздржати не мого. „О!“ рече мати у великом' покрету, кое сакрити тражаше:

„Какву велику цену има добродѣтель! Мы смо за ово кратко време приятели постали.“ Она ме пригрли, и подаде образъ да полюбимъ.

Бутеѣи поклонимъ се Маріи и Александри, коє обоє плакаху. Кад' управ' поѣи хтедо, изиђоше обе на врата и Марія ми са зеленомъ завесомъ нѣномъ, кою у руцы држаше, последнѣ с' Богомъ мѣну. Я разширимъ руке бои надежде, и помыслимъ: заиста се не расстаємо за на векъ

Ноемвра 17. у осамъ часа приснемъ у Петроградъ. На последней одморки, (штаціи) тако самъ се преобуко, како бы одма предъ Царицу изиђи мо-го. На каѣи ми казаше, да морамъ у Васиљевъ Островъ иђи; ерѣ є тамо Царица кодъ Кнзя Менцыкова, кои свой рођеня данъ слави. Тек' што у сѣино осветѣну палату княжеву уђо, позове ме Царица к' себи. Предамъ іой писма мога старешине, и очи іой се блистаху, одъ радости читаюѣи. „Ты си быо,“ рече ми на последку с' особитимъ благоволеніємъ „херой 26. Септемвра, пише ми Матушкинъ.“ Я іой мораво приповедити; међу тым' она све веселия бываше. Пре нег' што са свимъ довршимъ, заповеди ми, да за нѣомъ пођемъ, и оде' у сѣлу, гдѣ се є друштво наодило, и гдѣ свирке одма радостный гласъ предказаше. Метувши ми руку на раме, рече стрыцу мом' Фелдмаршалу: „Ово є херой побѣде!“ пакъ стаде читати, што є Матушкинъ о мени писао. —

„Менцыкове!“ рече после весело; „да сређ-

на дана; занста сте младом' Долгорукомъ благодарити дужни, што е управ' данасъ дошо. Сад' вашъ роѣня данъ, поста и слава побѣде.“

Стрыць мой быяше тронуть; остали сродницы мои, колико ѿ овде быяше, честиташе ми, што ме е Царица онако милостиво похвалила.

Князь Менцыковъ, непоказиваше участ'я, и што выше, таванъ видно се да е, и ако се е усилявати морао, да се само према Царицы любезанъ покаже. Бѣдный човекъ! сваког' тренутка очекиваше гласъ о смрти кѣри свое, кое е животъ, несреѣна на путу у опасность бацила. Онъ ми се сажали Густаве! управ' оно, с' чега су нѣгови неприятельи усклицавали, мене с' нѣмъ помири. Онъ стаяше замышлѣнъ, с' немирнимъ погледима, кое свакій часъ на врата бацаше. Устне му быяху суве; па опетъ не могаше да пиє, премда чашу врло често у руку узимаше. Хтео бы да говори, почне, па не може да доврши. И ты бы бѣдног' овог' великог' мужа жалио. „Онъ мрзи на све Долгоруке,“ реко младом' едном роѣаку мом' одъ ког' самъ узрокъ нѣговог' неспокойства дознао; и сви Долгоруки мрзе на нѣга. Но како бы онъ любити мого, кад' бы му мы приятельи были; то видимъ изъ стрѣ, кои га сад' мучи. Ты га називашъ найвластолюбивѣимъ човекомъ; а сад' видимъ, да е онъ више отаць, него Князь; да веѣма любви, него што за влашѣу уди. Онъ бы све свое ордене, сва своя достоинства, сва своя богатства, све свое преимущество дао, да свою болну кѣрь избави. Та

предъ Долгорукима бы клечао, да ови средство знаю, да му е одрже.“ Роѣакъ мой на ово ми се подмену. „О!“ придодадо я далъ: „реци ты шта ти драго! мы више мрзимо на нѣгову величину, нег' на властолюбие; не, на мужа, кѣи е толико великій, да при извештаю побѣде — и што ће јошъ више рећи, при веселом', задовольном' лицу свое Царице, да се весео не покаже; мужа, кои е у присутству целог' двора и свое Госпође, само Отацъ, не могу! да мрзимъ! Какавъ е онъ према нама, нек' и нѣму и нама благо небс опрости! Я се боимъ, да онъ према нама другчи не бы быти мого, башъ и да оће.“

Роѣакъ мой рече јошъ ругателниѣ осмеиваюћи се: „Та мы само оћемо, да према нама справедливъ буде, и да нам' небрани!“

„Справедливъ?“ наставимъ я живо; „да нам' само небрани? А шта бы одъ Княза Менцикова было, да нам' не брани? Шта бы му мы дали, да онъ буде, само да власти довольно имамо? Истина нужна е обрана, што смо мы против' нѣга; ал' е исто тако нужна обрана, што нам' брани, да се пенѣмо. Пеняѣ наше было бы нѣгова пронасть. Можешъ ли то одрећи?“

Сад' постаде у оближньої соби некій немиръ сметено трчанѣ; Менциковъ пребледи, видо га, гдѣ стрепи; аи самъ пребледимъ и стрепити станемъ. На еданъ путь зазуе тимпани крозь сѣлу, двокрилна се врата разлете, и с' Царицомъ за руку уђе — о Густаве! земля ми подъ ногама тонутти поче — морадо се за пењь (Фуруну)

предржати, да непаднемъ; ерѣ ми несреѣа страшно предѣ душомъ стояше! — Марія с' Царицомъ уѣе; она быяше Менциковлѣва кѣи; кѣи оног' човека, кои на домъ и име мое непомирительно мрзи. Учини ми се, као да све око мене потону; грмлениѣ тимпана и радостно подвикиванѣ присутвуюѣи' смеша се са мучителним' чувствама у души моіой, са тамним' погледима, и само самъ толико са стране мого да видимъ како отаць кѣеръ свою, коя є у пола гледала на колена предѣ нѣимъ паде, загрлѣну држи; чиняше ми се као да є обузе, и да іой неда у пропасть да утоне, у кою сад' све пуцаюѣи пропаде. Среѣа є! што су имъ сви-ма очи на Княза и Царицу управлѣне быле и уши єкомъ свирала' заглушене; ерѣ ми се чини, кад' се оног' магновеня опоменемъ, као да самъ яукнуо.

Поздравъ између Княза и нѣгове родбине доста є дуго траяо, те самъ се повратити и охрабрити мого. Марія є была у смртной опасности; Мати пакъ место да є отцу скоротечу с' об-знаномъ о оздравленю нѣномъ послала, за болѣ є држала, да га на данъ роѣеня нѣговог' изнена-да обрадує; она є с' обе кѣери свое єданъ часъ после мене дошла.

„Видите ли Менцикове!“ рече Царица, „ка-ко вечерасъ єданъ вѣстникъ радостни одъ дру-гог' долази!.. А камо мой? —“ Я іой се при-блжимъ. „Ты ли си,“ рече поверљиво као ма-ти, „херолдъ (предобзнанитель) мое среѣе?“ (Од-веде ме предѣ Марию); а она пружи исто онако поверљиво руку чиме ми даде іошѣ веђу на-

дежду. „Право е! да васъ двое краль и кралица веселя овог' будете.“ Мария ме зачуђено погледа, и осмену се поруменивши; она о мени јошъ ништа выше незнаде, до, да самъ као скоротеча у Петроградъ послать. За име мое пытали нису, ерѣ Княгиня не быяше рада свое да каже, како да се скорый долазакъ нѣнѣ у Петрограду не изда.

„Младый Князь Долгорукій!“ рече Царица Княгиньи Менциковлѣвой, коя одма бльиже приђе како ме смотри; „скоротеча мое побѣдне войске!“ Мы, се већъ познаемо“, одговори Княгиня, и у истом' окатренуђу писка свирала' разговоръ пресече. Я узо Марійну руку, и одведемъ е уза сѣлу. Руке нам' дрктаху, али с' тым' тврђе една другу држаше. Мария е јошъ была у нѣным' путничкым' альинама и држала е зелену завесу нѣну у руцы, с' коіомъ ми е два дана пре нѣно „с' Богом“ домаивала; само быяше горню поставлѣну альину збацыла, коя јој нѣнѣ лепый, преизредный, виткій стасъ сакриваше; ерѣ у истый ма', кад су изъ саоница сишле, Царица е ню и матеръ нѣну средла, и преко свег' затезаня у друштво довела. Док' смо узъ сѣлу ишли, рече ми са тихимъ претискомъ руке: „Предчувствованѣ ме мое ни е преварило, мы се опеть видимо!“

Срећный догађай! реко я, ерѣ нешто рећи морадо; а у истый паръ мыслио самъ о мрзости, коя отчеве и родове наше раздвая. Заиста—додамъ сметенъ — ербо ме зачуђено погледа: — врло срећанъ случай! „Ћутите, о! ѣутите!“ пришапта ми

са умилнимъ осмеиванѣмъ „я се раднѣ са вама раставѣмъ, него, што се састаѣмъ!“ Она ѣ была, кад' горе на краю сѣле стадосмо, са зеленомъ завесомъ нѣномъ у сметнѣи; я ѣ пригрлимъ и почесмо играти. А кад' ѣ рукомъ око' наса обузе и с' нѣом', онако преизредномъ небесномъ особомъ, низа сѣлу кад' се обрта'; кад' нѣжну меку руку нѣну моіомъ држа', онда нѣно смирено, блистаюће се око, пуно тврдог' повереня о мом' висаше; све, све самъ быо заборавио, све, ерѣ самъ летио са нѣом' по предѣлима другог' света, у кои ме звукъ умилне музике узвишаваше. Мы држасмо саставлѣне руке стискиваюћи. Марійне очи посташе блистателниѣ; осмеиванѣ нѣ нѣно нѣжниѣ. Я ѣ обузе іошѣ нѣжниѣ, и дрктаюће устне мое тиіо изрекоше: „Маріо! моя Маріо!“ Она баци еданѣ пуно душе погледѣ на мене, само еданѣ на пребледи, и паде ми, — іошѣ руку мою у нѣной држећи, — у на- руч'я.

Обколише насъ. „Теби ниѣ добро, дете мое!“ рече іой мати и узе ѣ к' своим' нѣдрима. Марія ми притиште руку, кою пустила не бияше и рече: „Врло добро, чини ми се!“ — Сад' паде, као безъ живота измећ' мене и матере іой. Но после неколико магновеня исправи се врло хитро и запыта нѣжно: „Да васъ ни самъ уплашила, любезна майко? Небойте се, я самъ здрава!“ „Здрава? дете мое!“ запыта забринута мати — — „Заиста!“ одговори Марія іошѣ полакше, тако, да околостоећи ово разумети не могоше. — Будућ-

ность стаяше ми едно магновенъ предъ очима; пакъ ме стрѣна нападе.

Княгиня баци еданъ погледъ на мене, као да насъ погаѣа, пакъ рече: „Ел' да бы радиє на-само была! любезна Марию?“ — „Са вама на-само; майко моя! — моя приятельнице!“ па подиже очи полако на мене, поклони се с' осмеиванѣмъ и рече с' неописано сладкимъ гласомъ: „добру ноѣ!“ и одма се изъ сѣле изгуби.

Я се на еданъ путь наѣо на оной страни Неве гдѣ се бродови граде незнаюѣи управо, како самъ онамо дошо. У ѣуракъ мой завеченъ уѣемъ у порту лутеранске цркве, и быо самъ се у сийно осветлѣну палату забленуо, и тако ми се чинило, као да у свакомъ шуптаню Мариниъ гласъ чуемъ, у свакомъ, лепиреѣемъ се облачку нѣнъ стасъ да видимъ; док' ме слуга мой готово силомъ куѣи не одвуче. —

Я морамъ изъ овог' малог' сеоског' дома у Петроградъ да полазимъ, и то одма с' места. — Чудесе, за што я, после онаке отличне милости царичине овако мало на себе држимъ. О! да знаю они коликій самъ я! да знаю, да радость срце мое до распуцаня разширує; еръ у оку мом' бисеръ (зрнó) найвѣѣег' услаѣеня виси! О! да знаю, да кадгодъ на судьбу мою помыслимъ, на поносне надежде моея породице, или само на ведро небо душе мое, оны бы гледали ма чим' годъ земальскимъ да то потавне! Да знаю, да бы я престоль какавъ радо дао за место на трави поредъ Маринѣ; круву, за бичъ косе нѣне, скиптаръ най-

веће државе, за цвѣтакъ, кои є нѣна рука узабрала! они бы очаяли, да то знаю. Они су мене опредѣлили — Благій Боже! — мене опредѣлили и Менцикове да упропасте. Та Царица се є на ме осмеивала! а да се є и Мария осмеивала — то видили нису, О! слѣпаца! Я самъ видю и мени тако бы, као да самъ у небо поглѣдао.

III.

Мария Менциковлѣва
Софіи Ронкалесъ.

О, добра Софію! ты рече: „да є любовь награда добродѣтели? не, она є сама добродѣтель! врь я себе, моя предрага друга майко! одъ рођеня-дне отца мога опахамъ благородниомъ, мекшомъ, блажиомъ веселиомъ, великодушниомъ, нег' икад'; та шта добродѣтель небы могла да учини кад' само довольно снаге и живота има? Добра Ронкалесъ! кажи ми найвеће, што є икадъ человекъ учинио; найтежу жертву, кою є игда человекъ принео; учинићу оно, а принећу ову, да избавимъ нѣга и ни єданъ уздисай не бы мом' ломећемъ се срцу измако! Умрети? Боже! умрети! шта є то? очи заклопити, дисанѣ устави, срце да стане и крвѣ више да не тече учинити. Ништа више! я твоя Мария, устремлявамъ се изъ мртвог' страха хитимъ крозь створъ, тражимъ

и налазимъ духъ, кои самъ любила; и вѣчно соединѣни летимо мы, куд' немирно шуптанѣ земальски' желя', уздисанѣ несреће, сузе бѣла више продрети не могу.

Умрети! о люди! оставите Марию нек' умре! Овако самъ управ' сад' са разширеним' рукама, са нунимъ очима суза узданула; ерѣ знай, добра Софию! я ти све морамъ да кажемъ. Ено! Алексия Долгоруког', Сергия и Ивана обои нѣгови' сынова'; а ево Федоровог' отца Лукиѣ! примену овом' дркѣ ми рука; одѣ Федмаршала нестрепимъ. Знай, сви су ови найвећи, непомирими неприятельи Менцикова. А, о! ево, сва ми е душа ужаснута — мог' отца, Княза Менцикова, тако исто горког', непомиримог' неприятеля свию Долгорука'. У средини међу погледима нѣиновым', пуным' мрзости; међу нѣиновым' заманутим' мачевима стоимо мы, я и Федоръ, с' погледима пуным' любви, са обавитим', саставлѣним' рукама. Ахъ! добро я знамъ, шта би ми моя мати онако радо затаяла: да е наследственна мрзость властолюбя найстрашния одѣ свию. Любима Ронкалесъ, ево сад' читамъ (майка ми се о сазнаню кѣри свое радуе) — читамъ, што иначе одѣ гнусности чути небы хтела, кржаве распре Велфа и Гибелина, црвене и беле руже. Забадава траже очи мое какву к' помирению пружену руку, забдава пазе уши мое, да чую гласъ какавъ мира. Управ' е, као да чуемъ, да мени и Федору смртну пресуду изричу. Мачеви нѣини само су за наша срца наопитрени. Умрети? Бла-

гій Боже! да лежимо я и Федоръ између нѣхъ у мртвачкимъ сандуцима было бы много болѣ! Нѣгове очи, коѣ бы туга за мною прекинула говорили бы тадъ вѣрма за помирень, негъ пре, докъ е юшь любовь къ мени, у нѣхъ блистала! Долгорукій, о! зашто се онъ тако мора да позива и зашто я Менцькова!

Мати ме моя тѣши будућношћу, и говори пре- добра: „А ако бы ти и Федоръ свеза была, коя бы оба непрятельска дома у любовь одну могла да свеже! Я се осменемъ; а она уздане — и одма лепа ова помысао бы разорена.

Любима майко! реко юй я юче, ако оба дома любовь наша и не помири! може быти помири- ће ий наша смрть. „Шта ты то мыслишь несрећ- ницо?“ запыта ме мати. Я се осменемъ, да е не ожалошћавамъ; — али Софию! ты си ме научи- ла: „Да е гробъ пристаниште, на кой свакій несрећ- ный треба погледе свое да баца“. Теби добра Софию ево кажемъ, шта чувствуемъ, шта мы- слимъ — да, шта више, чему се и надамъ. Гробъ ће олтаръ быти, кой ће Марию и Федора да се- дини. Ово ти велимъ с' найвѣхомъ ладнокрвношћу — онако спокойно, као што самъ и моіой май- цы казала, да га любимъ.

Да, я самъ ти сакрила, да самъ га одъ првогъ магновеня, како самъ га видила, любила. Кадъ самъ га управъ почела любити, и сама незнамъ. Чини ми се, као да самъ га любила, одъ како ми срце чувствуете. У тимъ снима среће мое, виђала самъ га давно; свако е преизредно и велико дѣ-

ло младѣтъ , као што е онѣ , до сад' учинио. Онѣ ми быяше странѣ кад' самѣ првый путѣ звукѣ нѣговог' гласа чула; но оваѣ гласѣ ми е дугу ми-лину у души причинявао. Кад' е предѣ май-комѣ клечао , кад' нам' е с' *Богомъ* реко, кад' крозѣ планину — тамо одлети; — онда самѣ га веѣтъ , — и незнаюѣи , любила. Мени е было, као да бы морала на вѣкъ е нѣиме остати; као да бы морао онѣ вѣчно приповедати , како се е ме-ђу Дегестанске Татарѣ устремлявао; како е де-тетомѣ на прераном' мртвачком' сандуку майке свое плакао и како свог' Густава и нѣгову май-ку нѣжно и сад' люби.

Затаяла самѣ ти Софию! шта се у души моѣю збивало , кад' самѣ у ютру по роѣня дну отца мог' о путу нашем' и нѣговомѣ торжеству разсуђавала. Гле! о, добра, мудра Ронкалесѣ ты си ми казивала: „да свака любовь мора прво разсуд-но да почне, найпре приятельствомѣ после мало любавио и то постепенио да расте. Одѣ свега тог' између насѣ ништо небыяше. Како за име мое онѣ чу, помрачише му се очи; ал' опетѣ скоро сло-бодно обузе десницомѣ своѣомѣ тѣло мое, и ле-тио е са мномѣ играюѣи, као да ме оте и одѣ мог' и нѣговог' рода и рече ми с' гласомѣ, кои бы и найдивлю мрзость у любовь претворио: „*Моя Марию!*“ Сладкѣй оваѣ гласѣ „*моя Марию!*“ с' превстествениомѣ силомѣ у душу ми продре. Да л' е было предчувствованѣ, быяше ли радость, быяше л' жалость, или све ово заедно. — Са-страшномѣ ал' опетѣ сладкомѣ невестицомѣ се

бореѣи падо нѣму на прси пакъ на срце матере мое. Я самъ му притискивала руку; еръ самъ вечито нѣгова была. Око мое казало му є, да самъ га любила, може быти и уста; еръ само знамъ шта самъ чувствовала, шта самъ говорила, не знамъ.

Мати ме одведе у мою собу, и упыта ме узнемирена: „Шта то бы, Марию?“ Заръ нечусте, да ме своіомъ Марию назва. Ахъ, я любимъ изредногъ Долгорукогъ! я га любимъ!

Мати ме нѣжно одби, кадъ іой се опетъ на прси бацити хтедо. Она седе и рече ми нѣжнимъ, тиим гласомъ: „я се надамъ, дете мое, да и незнашъ шта садъ говоришъ. Заръ Менциковна да Доргорукогъ люби?!“

Кадъ се я, место да одговоримъ, само осмену, она ме пытливо гледаше. Я є узедо за руку, и реко іой: добро знамъ да предъ вама одушевленѣ страсти ништа не важи, а и саме добродѣтели. Вы оѣете промышленѣ, мирный изборъ доброга — мирно одваженѣ, па текъ одушевленѣ к извршеню — „добро дете мое!“ Колико самъ могла моѣниє и разсудниє, наставимъ: Я любимъ Княза Долгорукогъ, и онъ мене люби. То є све мила Майко! што вамъ казати могу. —

Она уздане, па рекне: „Дете мое! нечувано магновенѣ твога жельнога, поверльивога срца; превару, кою є случай, кою є састанакъ са изреднимъ младиѣемъ у путу и на балу, кою є поверльиво положенѣ при игри, произвело — то ли ты любовію називашъ?“

Превару? мила Майко! не, ово превара ни є;

еръ майко! я бы престала човечество уважавати, ако бы икакво чувство, тако ме страшно преварити могло. Я га любимъ! и онъ мене люби. Ахъ! ово заръ да е превара? Безимена заръ бы желя могла овако сущтество мое у унутрашньости потрести? Заръ да е душа моя за саму превару ову непобедиму снагу добила?

„Нек' е! я бы се опетъ бадава с' тобомъ о том' препирала. Ты нѣга любишь! а онъ тебе? Шта ти е реко? Па и ако ти е онъ, Долгорукій, теби, Менциковной, готово у првом' магновеню познанства любовь свою и изяви ти мого —, опетъ вреданъ ни е, да ти е икад' изяви.“

Я іой спокойно приповедимъ шта ми е реко ону едну речъ: *моя Марию!* — „Е,“ одговори она „па чекай, мала лудо! шта ће човекъ, за ког' мыслишь да те люби, далѣ да чини. Я допуштамъ, да си га се коснула, ал' ће га име твоє, Марию! опоменути, шта треба да чини.“

Да мрзи на мене! Ни е ли Майко? Долгорукки само треба да мрзи, кад' кога, кои наше име носи, позна.

„Не велимъ, управ', да мрзи! Зашто да мрзи? Онъ ће увидити, да никад' иѣгова быти не можешъ.“ —

Та то и я знамъ, Майко! ал' га опетъ зато любимъ!

„А оно ће та безнадеждна любовь разтопити се и проћи, дете мое!“

Разтопити се? — проћи? — Е! то ништа друго не бы ни было, до превара! Безъ на-

дежде? — Не знамъ, мила Майко! зашто васъ данасъ неразумемъ. А о каквой надежди и говорите? Я знамъ да никад' Свештеникъ руке наше саставити неће! знамъ, да никадъ супруга нѣгова быти нећу. Али што самъ я нѣгова, на векъ нѣгова; што є онъ мой, на векъ мой; што бы за нѣга умрети могла, као и онъ за мене: то никакавъ Менциковъ мени, никакавъ Долгорукій нѣму забранити не може! Ову прерадостну надежду имамо; а коє се срце с' тиме задовольило небы? Безъ надежде? Аль! у смрти є надежда! Чега бы се онай бояо? кои умрети може! Любезна Майко! колико сте пута сами рекли: „Да найнапрасниа рѣка мрзости разлива се у лакомъ песку гроба; и да є само любовь безсмертна!“ — Заръ ово само о моіой любви да не важи, зато што є моя любовь? Или заръ да ова добродѣтельна любовь, любовь ние? Мати ми се смути, не могући одрѣти, што є често изрицала, и што си ты говорила Софию! Садъ ме напопаде с' друге стране. О! тешко ми бы што се є овако у мени узнала.

„Е, добро!“ рече ми, „любовъ твоя нек' ние превара; ал' є сад' тек' у постаню. Ты є победити можешъ дете мое! можешъ іошъ среѣна быти, ако и не тако среѣна, као...“ „Што бы са люблѣнимъ Федоромъ была?“ пресеко є я. „Среѣна!“ Я бы реѣти могла: као годъ што є само єдна добродѣтель, тако є и єдна среѣна; па кад небы овако среѣна была — не бы никако; была бы несреѣна! Али мила Майко, ил' вы мене, ил' я васъ више не разумемъ. Јошъ єдномъ! Я Фе-

дора любимъ; то е све што казати знамъ! то е
едино извѣстно, на вѣкъ известно. Све е друго
тамна ноћъ, о којој ништа не знамъ, о којој
слабо што и желимъ. А заръ вы мыслите майко,
да бы я могла, постаюћи срећномъ, престати
кѣрю отца могъ, вапомъ кѣрю, кѣрю и сестромъ
Менцикова' быти, или икад' заборавити, шта ми
пристойность налаже? Вы сви едни на другог,
мрзити можете, а мы опетъ едно друго любити
можемо. Или заръ мыслите, да бы я могла, да
постанемъ срећномъ, кад' бы знала да бы мрзость
оба дома наша овимъ или онимъ начиномъ
пооштрила или јошъ увеличала? Ја га любимъ, а
ли да могу мрзость ову у любовь преобрнути,
јошъ данасъ бы у Манастиръ отишла, и никад' ви-
ше име Федоръ не бы изрекла. Али опетъ бы
га зато любила, вечито любила

„И то ли е,“ запыта ме мати, „намеренѣ
твое; то ли е тврдо намеренѣ?“

Моє тврдо, непоколебимо намеренѣ, мила
майко! Она ме привуче к' своим' прсима и то-
плым' ме сузама полие. „Люби га“ рече ми еца-
юћи; „Люби га Марию! и Богъ любве нек' бо-
гатый благословъ свой на срца вапа излие . . .
Ахъ — ал' се боимъ ниє.“ Сад' се обузмемо обе
плакаюћи. Она ми првый путъ откриє ньено ду-
боко ранѣно срце. —

Никад' срећна, а опетъ отца мог' толико лю-
би! Ахъ, стрâ одъ судбине нѣгове, коя му се е
толико пута већъ страшно прикучивала; стрâ одъ
нѣговог' неутолимог' властолюбя; и брига, коя

теже, нег' све остало душу майке мое обараше — брига, одъ коѣ бы я тако радо избеѣи хтела, и коя опетъ као страшно привиѣенѣ непрестанно ми предъ очима стои. Ахъ! да отаць мой... О да му оѣе да да Богъ лепо раскаянѣ. Богъ бы децы нѣговой покаянѣмъ нѣговимъ послао уврѣеног' анѣла добродѣтели да ублажава.

Ни речи више, предрага Ронкалесъ! Я самъ на колена пала, и землю сузама моима орошавала. О, да отаць мой зна! како му често супруга и кѣи нѣгова само зато ядаю, што ѣ онъ на онаквой висини!... Ахъ Ронкалесъ! ты знашь тайне дома нашег'. Може быти, да се у свой околности царства оваке горке сузе найвеѣе бриге нероне; као у златным' собама двора нашег'. Здравствуй Ронкалесъ! я ѣу да паднемъ, и Богу да се молимъ. Моли се и ты за насъ! —

Я престадо любезна Софию! Заръ могаше дрктаюѣа ми рука друго што, нег' се молеѣи подигнути к' небу? — Сад' оѣу далѣ да пишемъ; и мамъ ти много, много дакажемъ. Кад' самъ идуѣег' ютра при доручку с' нѣом' насамо седила, хтеде ми да каже: да ѣ превара, што самъ разумела речи Федорове за изявленѣ нѣгове любви. У средъ овог' разговора донесе се моіой майцы писмо едно. Она га прочита с' примѣтномъ смутнѣомъ; прочита га и опетъ, и сва троне; прочита га іошъ ѣ данъ путь и заплачесе. Найпосле ми са стрепѣномъ рукомъ пружи писмо, и рече: „Отаць твой нек' ми опрости, што допуштамъ овде, гдѣ мрамор-

ни самозидови уздисає слушаю — да срце єдно, твоє Марию! у невиной куца радости.“

Како я угледа име „Федоръ Долгорукій” на дну писма, застрепимъ и разлиємъ се сва у милили. Онъ откриваше моіой Майцы нѣгову вечну, неизмѣнну любовь према мени поставляше ню судніомъ судьбини нѣговой; нетаяше препоне, коє неприязнелство породица’ наши’, противполажу любви, а изявльиваше више желю, него л’ надежду, не бы л’ могла наша любовь може быти помирень између оба найвећа дома у Држави произвести. „Я любимъ Марию”, рече онъ наипосле, „чувствуємъ васъ, Марійна Майко! и рѣшенъ самъ, да васъ у свему послушамъ, што срећа и спокойство кѣри ваше изискує; готовъ самъ шта више и любовь мою прећутати; моє срце раздробити и умрети, ако вы оѣете. Марія є ваша кѣи и — дозволите ми с’ поносомъ да рекнемъ: — я самъ вреданъ, да вам’ сынъ будемъ, — ако самъ право разумео Маринъ погледъ, речъ, та О! та рѣшите вы мою и Марину судьбу!“ —

То самъ читала са разтегнутим’ и опеть страшльивим’ прсима. У души ми се появи пламенно море, и опеть самъ была Богъ зна како? — спокойна. Сложимъ писмо, вратимъ га Майки моіой и устанемъ, да є саму оставимъ. Она ме погледа знаменито и рече: „Сад’ ѣу да му одговоримъ.“ — Управ’ зато, мила майко! и оѣу да идемъ. — „А заръ ми ништа немашъ казати? и башъ ништа?“ упыта ме. — Ништа! вы рѣшите нѣгову и мою судьбину. —

„А што я рѣшимъ, оће л' и теби іѣшено быти, Маркію?“ Оће! одговоримъ іой я.

Майка ме погледа. „А да вам' заповедимъ, да ѣутите?“

Мы бы ѣутали — и помрли! додамъ жалостно.... Не! и опетъ бы живила! повичемъ и полетимъ Майки моіой па загрлившн є реко: Я бы ѣутала, туговала и с' добромъ майкомъ моіомъ живила. О! та вы ме любите, вы рѣшите!

„Готово ме с' твоіомъ храброшѣу застиѣуєць Маркію! Ал' и я могу, што морамъ!. Богъ некъ насъ охрабри!“ С тим' ме речма одпусти; више ми непомену о любви моіой ни речи, до именог' дава Царичиног' кои є торжествованъ с' найвећомъ славомъ. Кога є око моє сад' тражило, кад' у сѣлу уѣо, о Софию! нѣга не видо! Сви Долгоруки были су ту, осимъ Федора. Томе самъ се радовала; єрь да є ту и онъ быо, я бы ѣутати морала. Ал' самъ опетъ стаяла спрам' врата, и колико бы годъ пута ко ушо, полѣтале бы запламѣене очи моє онамо. О, Софию! тако самъ одржала майцы моіой обећанѣ, да ѣу ѣутати! Была самъ, а и остала самъ расложена; пошто самъ играла, отидемъ к' Долгорукима, и немого никако, да докучимъ, како су могли да говоре о чему другомъ, а не о Федоровомъ одсуству.

Царица ми покљони отцу велика добра у Украйни, са градомъ Батуриномъ. Честиташе ми, а я незнадо чему то. Ахъ! у овом' часу, кои є іошъ већма умложио богатства отца мога, была самъ я тако сиротна! То ми се разжали. О! Царица є

млоге люде обогатила, узвысила; а ел' ии' усрећила? Да е она свою матерню руку метула на мое удараюће срце, една речь! само една! довольна бы была, да га на вѣкъ умири. Майка ми се врати пре други изъ двора дома. „Како ти е Царица учинила отца срећнимъ!“ рече ми смешећи се. — А све, што има за разпокланянь, кад' бы дала не бы могла ово срце, кое толико страшливо куца, успокоити! — „Да видимо могу л' то я!“ у том' отвори врата одъ друге собе, па, о Софию! Федоръ мой изиђе предъ насъ. — „Я самъ васъ већъ еданъ путъ назвала сыномъ!“ рече му майка; „садъ васъ опетъ зовемъ тако.“ —

Онъ клече предъ ню; а я падо поредъ нѣга. Она мету руке нѣне на наше главе, па рече: „Богъ нек' васъ храни, моя децо! Федоре! Мариа васъ люби. Я вам' даем', што дати могу, мой благословъ, моя найболя желаня. Може быти да самъ преодвећъ слаба мати; но поверавамъ васъ вашей добродѣтели.“ — „Устаните децо моя!“ метувши мою руку у нѣгову и продужи: „Я одобравамъ вашу любовь! Моя Мариа нек' буде ваша приятельца, нек' буде хранитель добродѣтели ваше, као што треба, да и вы будете хранитель нѣне. Но оће ли Мариа моћи икад' быти ваша? Богъ да нам' срећнию будущность даруе.“

Срећнию? реко смо мы обое у истый ма. О! додаде Федоръ, може л' доћи часъ, кои бы срећни од овога сад' быо?

„Тешко! ал' несрећный лако; може лако, у ком' ћешь ты, дете мое преморана быти, да дашь руку твою другоме; у комъ ћете вы преморани быти, добрый мой Федоре....“

„Преморань!“ пресече е онъ с' пламтећим' очима. Онъ ме снажно пригрли, и притиште уста нѣгова к' моим' устнама; „прими!“ рече, „одъ мене полюбаць найтврѣ вѣрности; првый полюбаць найсветие любви! Судбина е моя одъ сад' скопчана с' твоіомъ на вѣки. Преморати? та мене пре убити могу, ал' никад' преморати, да руку мою безъ срца дамъ“.

„Княже!“ рече моя майка с' важношћу; „то е осимъ договора нашег'! Осимъ вашег' обећаня!“

„Осимъ мог' обећаня? я самъ вам', дражайшамати обећао, любовь мою да ћу затаяти; обећао самъ ако ваше и Марино спокойство узипте, да ћу да допустимъ, да се рука Мариина да другоме. Ал' о осталом', што бы іошъ я чинити имао и морао, само самъ себи дужанъ рачунъ дати. Она никад' неће престати мене да люби; али....“

Я га пресеко у речи: „А зарь ты мыслишь Федоре! да я небу тако исто вѣрна быти, као и ты?“

„Вы ћете сад' полазити изъ Петрограда,“ рече майка, „и с' Мариомъ се опетъ безъ мог' знаня видити нећете. Писма ћете одъ нѣ кадшто добияти. Куд' намеравате да полазите Федоре?“ —

„У Поцекъ, мое добро поредъ Неве, одговори онъ — „С' Богомъ дакле сыне!“ рече му Майка а онъ

паде у моя наруч'я. — Федоре! Марнію! — све
е, што едно другомъ рећи мого смо. Кад' оде,
я самъ за нымъ спокойно гледала; па после
одемъ сама у мою собу, да му пишемъ.

О, добра Ронкалесъ! Поцекъ ти в тако бльи-
зу! заръ нећешъ да се познашъ са онимъ, кога
люби твоя Марія?

IV.

Марія Федору.

У Пешрограду Хвѣра 1725.

Ты си отишо, Федоре! ал', было ты у Поце-
ку, было на границама државе; опеть смо заедно,
док' те год' достићи могу речи, кое ти пи-
шемъ. Да пред-а-мною стоишь, да твоє очи
гледамъ, твой умилный гласъ да слушаю, да те
за руку држимъ: заръ бы те већма, и више и-
мала? Не, не бы! заръ су речи, с' гласомъ изго-
ворене друго нешто, нег' што и ове черте; зна-
менъ духа? заиста ни су! готово бы рекла, да
те сад' више имамъ, да гледамъ твой виткій
стасъ яснѣ, чистѣ, и да самъ сад' спокойнѣ.
Сад' твой любкій гласъ, твой претиштай руке,
твой погледъ, несмуує мое мысли. Знай Федоре!
я погледамъ смешећи се с' артиє на выше, и по-
здравляю се спокойнѣ, радостнѣ са стасомъ
твоимъ, кои као у некой благой сѣйности онда
пред-а-мною стояше. Сад' би ти найунутраш-

нбия основоположеня душе мое могла да одкримъ; а то немого онда, кад' си кодъ мене быо; еръ бы поруменити и застидити се морала одъ погледа твога. Насъ обое носило е ланце преѣе наши' родова'; а сад' су збачени; сад' ништа друго ни самъ, него духъ, кои тебе люби, кои е братски с' другимъ духомъ свезанъ. Али — опеть се варамъ! та не узаймлюемъ ли одъ оног' часа сва уображеня, да ин ти сад' дамъ?

Твой гласъ, твой погледъ, онай зрачный, любкй, разумный погледъ, твоя топла рука, твоє руменило, твой ходъ, твоє последнѣ исчезнуѣе „па“ у свѣтлой галеріи — све то я чуемъ, гледимъ я, и кад' само помислимъ, да смо одвоєни, сузе ми стое у очима. Да, то смо мы Федоре! Я осеѣамъ боязливую желю, коя срце мое испуњава. Мы смо раздвоєни, па опеть найдуже писмо свагда ће ми манѣ бити, него еданъ одъ твои' смешен' се погледа'. О, добру ноѣ!

Ты ѣнешъ се смешити, вѣрный мой Федоре! кад' самъ у креветъ легла, рассуѣавала самъ о цѣлой моіой юношества повѣстници, и хтела самъ е теби да опишемъ. Но после ми е на умъ пало, да те познаемъ, безъ да што о повѣсти твога детинства знамъ, осимъ оног' што си нам' онда у колеби у шуми приповедао. О, та заръ више што треба о теби да знамъ, осимъ тога, да ме любишь, и да нигда престати неѣнешъ любити ме? Любавъ е задовольна! о томъ самъ уверена, премда мати моя то неодобрава.

Поцекъ е сасма бльизу до Добра едног' отца мога са польскимъ домоу. Тамо живи една Французскиня, Госпоя Ронкалесъ, коя ме е одганла и коя ме люби! Она све зна. По'оди е Федоре! она е достойна. О, да ние отаць мой ништа више мене ради чинио, до само, што ме е чрезъ ову Госпою дао воспитати, я небы престала благодарна према нѣму быти. Ова е Ронкалесъ вѣрна сохранительница свию наши' тайни'; безъ нѣне утѣхе, безъ нѣног' приятельства мати бы моя давно бриги и туги подлегла. И самъ отаць мой почитуе Г. Ронкалесъ; онъ іой више него и ком' другом човеку повѣрава.

Я самъ ти послала едног' ездеѣег' гласоношу Федоре! само да скорый одговоръ добнемъ.

V.

Мария Федору.

У Пешрограду, Януара 1726.

О, да самъ опеть у мом' возлюблѣном' Ренебургу! Я любимъ тишину; и, „мало по мало“ — рече моя мудра Ронкалесъ, коя животъ познае — „добываю разколничества и увеселеня вышег' света, шта више нѣине будалаштине, моѣ и надъ наибольшимъ срцемъ и надъ найведриомъ памеѣу. Навикавамо се на сиротиню безпосличног' и разколног' живота; остаемо небриге усредъ предочне опасности, као што се морнаръ

у опасной корпи горе на катарки да спава навикава.“ Я увиѣамъ истину правила овог' одъ части на мени, одъ части на сестри моіой; зато ѣу и опеть у Ренебургъ; ерь Федоре! заръ я смемъ што друго да любимъ, нег' тебе и самоѣу, коя ми твоей любкій обликъ изваява? Матерь самъ мою за скорый нашъ одлазакъ молила. Она брижно мащаше главомъ, ерь сумня, да ѣе отаць нашъ то да пусти, да изъ Петрограда идемо.

Майку мою виѣамъ сад' брижню нег' игда мене ради. Я нисамъ крива Федоре! што си ты мой. Та мени е све едно ил' с' тобомъ у гробъ, ил' на руцы твоіой крозь животъ, то е, што ми мужество дае да у свему; што насъ прѣтеѣи обколява презиремъ. О, заръ среѣна была нисамъ? и заръ ниси ти быо Федоре? Мы сеузаймно любисмо! заръ бы могли мы и после найдужег' живота више што казати, до ове четыриречи?

Чини ми се кадшто, као да на челюстима вулкана стоимъ, а кадшто на месту, кое се землѣтресомъ гниѣе. Отаць мой има много ласкателя, ахъ! и много неприятеля, кои бы да онъ падне, безъ поштеде с' нѣиме поступили, управ' зато, што су му преѣе ласкали. Ронкалесь казаше еданъ путъ: „На падшемъ любимцу светимо се збогъ поноса нѣговог' и због' нѣгове собствение малодушности и страшливости. Управ' Дворянинъ е непомиримый неприятель; нѣга огорчава нѣгова собствена пѣдлость.

Говори се, да Царица люби мога отца. Но—10^{огъ} долази Херцогиня Холандска, да га об-

тужи; онъ самъ признае, да е заслужио нѣно непри-
тельство. Нек' само тѣтка мог', Графа Девира,
за посланика у овой тужби опредѣле. О, не бы
требало огорчениг' неприятеля према мом' от-
цу бирати, нег' нѣговог' зета! Одъ майке мое
дознао е отаць мей найпре, да е тако; и она
га е молила, да се у прилицы овой с' зетомъ
помири. „Ты си любно сестру твою!“ рече му
она с' нѣжним' пребаживанѣмъ.

Да, я е любимъ, одговори онъ с' тавнимъ по-
гледомъ. Но то е прошло! за свагда прошло!
вѣруй ми, я га не могу, а и онъ мене не може
другче, осимъ душмански да предусрета. Онъ
или я! я на никога немрзимъ, до на нѣга, на
нѣга само мрзимъ я. Онъ или я! — „Но ако бы
ты? упыта майка моя умилно: „Заръ се ты он-
да не бы каю, што ниси советъ мой послу-
шао?“ — Отаць се мой осмену. О Боже! како е
мого у оном' окатренуѣу! — — На после Федоре!
при свыма онимъ славама, кое смо држали, и
была самъ ладна; па опетъ едну смо славили
я, мати и сестра моя у найдубльой тишини.
Порезъ е умалѣнъ, и то на представенѣ отца
мога. О, Федоре! ты невѣруешъ, како се скром-
но иначе свагда крозь улице Петрограда возимъ.
Тако ми се чини, као да бы сваког' жителя,
кои бы ме сретао, и изредный подвозъ поглѣдао,
збогъ ове красоте и славе за опроштенѣ морала
да молимъ; но онай данъ возила самъ се при об-
штой радости гордо крозь градъ, и смешила
самъ се тада. О Федоре, Федоре! ако далѣ

нико, осимъ великаша мога, отца не мрзи, ако народъ нѣга люби: то онда нека с' нѣмиме буде, као што судбина са собомъ донесе! Ма нек' и прогнанъ буде; нѣгово бы путованъ было онда триумфалный походъ, при ком' бы га родбина нѣгова смирено пратити могла. Ал', сад' се криемъ, особито ово дана, одъ како онъ триумфъ нѣговъ са свимъ гордо ужива.

Федоре! юшъ пре неколико минута приповедаше за време обѣда отаць мой, да ћешъ ты с' отцемъ твоимъ у Персию да полазишъ. Не, то ни е могуће! Заръ бы славу више любил, нег' твою Марию?.... Я сама пребледила была, кад' е отаць мой име твое изреко. Немой да стрепишъ за твой животъ; кад' я нестрепимъ за мой. Но я увиѣамъ све више и више, да среѣа наша, ако е у овом' свету постићи можемо, у найдубльм' закривалу, у миру простог' славе лишаваюћег' се живота лежати мора. То си ты самъ у твоём' писму казао. О, утѣши ме! Я ти шилъмъ вѣстника у овом' окатренућу.

VI.

Федоръ Марию.

Поцекъ, Януара 1726.

Премири се возлюбљена Марию! я неполазимъ у Персию. Наравно да е то желио отаць мой. Онъ дође са стрицемъ моимъ, Фелдмаршаломъ, у собу мою, с' питаньмъ: „Шта ты ту чинишь, Федоре? Я се не могу доволно начудити!“

Я чинимъ, реко му шальиво, што и вы намъравате да чините, и зашто се вы и данъ данашній трудите отче мой! я уживамъ!

„Федоре! я радо не гледамъ, да младъ човекъ никаква честолюбя нема. Чисто се човекъ мора лютити; почео си, као да си хтео све да прелетишь, и сад' пузишь по праху! Заръ ништа нећешъ да будешъ, Федоре? ништа у свету?“

Ништа више, до оно што самъ: *Князь Долгорукій*. Я никако не желимъ у двору да живимъ, за кои сте ме вы опредѣлити хтели, отче! несрећа родбине моє, плаши ме!

„Тим' болъ! Я идемъ у Персию, и ты самном' као сотникъ.“

Марию! топла крвъ и желя за славомъ у мало што ме неодвуче; но ипакъ одважно реко: нећу да идемъ у Персию. Да се борити могу, то самъ показао; и с' тым' е свршено отче мой! мужество, коє васъ е до Генерал-Подпо-

ручка довело, чествує васъ, а не титула ваша!...

Єданъ између Долгорука оће срећанъ да буде, ако судба противна не буде.

И ако є Фелдмаршалъ станъ свое яко люблю, опетъ є мени страну држао. Са свакима окатренућемъ бывао є отаць мой яростни. Я већ морадо єданъ путь покушенъ да учинимъ Марио! єръ може тренутакъ доћи, у кои њу морати целой породицы мојой противстати. Она мрзи отца твога. Онъ или мы: такавъ є огласъ (Rosung) дома мог'. Ако бы твой отаць пао, или я твою руку или ты мою обуватила; све є єдно! — я бы ярости отца мога предметнуо само спокойну волю.

Я нећу! реко я напоследку са свимъ ладно.

„Малодушный бѣдный човече! То ли є узрокъ, срамный узрокъ?“

Истый узрокъ, збогъ ког' се вы бесном' псу укланяте, и себе изъ дома, сюрваваюћег' се, што пре гледите, да спасете.

„Малодушный! човече безъ чести! безъ чувства, безъ вољъ!“

Отче! што се вољъ тиче, я є имамъ; и вы ње те видити, да є я и доказати знамъ. Я нелюбимъ єданъ путь за свагда начинъ живота на ком' є немиранъ и клизавъ путь. Ево я сад' собственно послове радимъ, при коима ми толико валя се упети, колико Царицы при освоєню Дегестана.

„Царица ти заповеда, да у Персию одлазишь.“

Царица ме може у Сибирию да пошлѣ, у Персию не.

„Какве ты то намере имашь, Федоре?“ Запыта ме отаць мой, коснутъ зарѣ смиреношѣу мою.

Оуу независимъ да самъ; ни ког' да не слушамъ, осимъ мене самог'; да не пузимъ, кад' управце стояти могу; да не мрзимъ, што други мрзи, веѣь што е мрзнѣ достойно; да любимъ, што любовь заслужуе, и слободно да признамъ, да любимъ. На кратко, іошѣ преѣе кад' самъ ногомъ на землю отечества мога ступио, быо самъ се одважно, срце мое у миру да одржимъ, и у колико у толико, среѣанъ да будемъ. Дакле ни самъ способанъ на путу честолюб'я, гдѣ бы се сюрвавати моро да сюрванъ не будемъ, и онога да мрзимъ, ког' треба да любимъ.

„Благодаримъ Богу, што іошѣ єдног' сына нмамъ!“ рече мой отаць: „тако живи по твоіой воли у бѣдной самоѣи. Богатство е теби несносно; зато нека твой братъ наслѣдникъ буде. Остаия ту у Поцеку! Я ти га покланямъ. Но да те више очи мое невиде!“

У препирку ову и Фелдмаршалъ се умеша; но и овог' самъ смиренно предусретао. Обоѣ ме на последку оставе, и я неѣу у Персию. —

Тако и ты, моя Марию! мораѣешь се одъ свию свеза', коѣ любав'ю чистомъ освеѣене ни су ослободити. Мы стоимо ублизу тамне будущности. У сунчаном' зраку среѣе, любавъ се е наша родила; но боимъ се, да меѣугромовима и

найстрашнимъ непогодама животъ свой непродужи. О, шта се тебе тиче, ты кротка, ангелска душо, и шта мене, свађе наши' рођака'! Я самъ Федоръ, ни самъ Долгорукій; ты *Мария*, ни си Менцикова. — На да те и ни самъ нашо, Марию! опетъ ме не бы никаква сила човеческа одъ просте стазе живота безъ порока и преступленя отрѣи могла. На и да су ме за претегу неприятельски' срца' употребили — я бы само нѣнова жертва быо, или, ако бы ми за срамно дѣло урачунали, нѣновъ издаица. Не, ни самъ я за нѣи. Твоя Ронкалесъ, коѣ мудре науке срце мое све више обезбѣжує, па и майка Густава мого, коя ме є одгаила, оне су насъ за другій светъ преправиле, и у нами само ту мужественность, да за добродѣтель живимо, пробудиле, и све за ню да пожертвовавамо.

Навикни се на то, Марию! да беду сносишь, за кою ниси виновна. Величина отца твого, ако се и не узколеба, исто тако є несреће пуна за насъ, као и падежь нѣнъ у колико бы быо. Дакле мы другог' скровишта немамо, до наши' срца', наше любви, и наши' чисти душа! радо бы я теби, твоіой майцы, сестрици и твоіой Ронкалесъ казао: *Пусшите насъ двоє да бегамо, пре нег' што насъ шуђе кривце и шуђа несрећа погоде!* И я бы знао, куд' бы побегли! —

Деветог' су твой рођеня данъ с' царскомъ славомъ торжествовали Марию! Стрыць ми мой Иванъ пише; блистаюћа Дядема одъ Брилли-

анта, да ти е у коси уплетена была, и у твоіой златотканой альини, да си, као млада каква Царица изглѣдала. О Марию! и мы смо, я и Ронкалесъ, твой роѣня данъ торжествовали. Она е дала землѣдѣльцыма твога отца еданъ данъ одмора, ручакъ и игру; а я самъ разделио мѣло количество новаца на сироте и болне овога вашег' Добра, и казао самъ имъ притомъ свакомъ: „То ши е послала Принцеца Марія.“ Тад' бедни руке склаплаху, и сузе радости роняху; о Марию! онда склопи и твой Федоръ свое руке; онъ пристаде у благодарный узкликъ сиротинѣ, и повиче, юшъ гласниѣ нег' они: Богъ нек' благослови Принцецу Марию!

Я самъ седио са Ронкалесъ у соби, у којой си ты као дете живила, и у којой теби тако наличанъ образъ висаше. Ронкалесъ казиваше ми, како си добра и кротка юшъ у твоимъ найраниимъ годинама была. Я самъ пазио на сваку речъ нѣну, но скидао ни самъ очию с' твога образа, Она изнесе напоследку с' приятельскимъ За довольствомъ одну альину, кою си ты дететомъ носила. — Марию! я е узмемъ у почетку да видимъ; но опеть е дамъ напоследку Ронкалесъ, еръ самъ се стидно детинства. — Детинство? не! Колико годъ пута зелену завесу, у којой самъ те првый путъ видио, на срце мое прислонимъ, куца спокойниѣ, и она оживлява надежде мое на ново. Зато е и носимъ непрестанце са собомъ.

Првый данъ роѣня твог', кои бы ты у друштву момъ торжествовала, обуци се, као што си

у твоіой слики изваяна: бело, и са венцемъ одъ
Мирте, у висеһой завиеной коси. О кад' һу га
опеть торжествовати! кад', Марию!

Марія Федору.

Петроградъ, Февр. 1726.

Усредь радости, любезный Федоре! ожалощаваю ме писма твоя, но ипакъ преобраһаю жалость у радость; ерь она су, као усамлѣна мышленя душе на лепша блага болѣг' света, коя умукнуте сузе узтеже и срцу жельный покой дае. О, како си ты лепо мой роһеня данъ светковао, Федоре! Но — и я га сама знамъ чествовати. Отаць мой поклоню ми е тисуһу рубльи, и свака е заиста радостну сузу по гдеком' бѣдном' принела . . . Што ме е при том' торжествованю найвыше коснуло, то е представленѣ, како си према слики моіой седио, и завесу мою на неспокойно срце твоє притискивао. О Федоре, Федоре! кад' ме будешъ на твоє срце притиснуо; онда ће такође свака брига умукнути, онда ће твоя надежда на ново оживити. Безъ сумнѣ! — Више ми се нег' еданъ путь представляло, као да се среһа отца мога мора да сруши. Свакій служитель, кон бы у собу мою улазио, чинило бы ми се, као де ће несреһу нѣгову да предска-

же; свака вика на улици долазила ми е, као смут-
ня. Истина! отаць е мой према нама свима уз-
држателанъ, и не дае намъ никако да примѣтимо,
шта онъ мысли, и чега се бои; но оно што си
ты мени до садъ у два писма писао, да га Херцогъ
одъ Холштайна мрзи, сумнямъ. Ние сасма невѣ-
роятно, да е отаць мой нѣму радо Комманду тѣ-
лохранителне гарде одузео: но садъ више нису
заиста неприятельи; или, баръ Царица то и не-
предузима. Мой е отаць у новомъ кабинетскомъ
совету првый по Херцогу постао, и Голицини,
она два валяна човека, виде се као да су у нераз-
лучной свези с' нѣме.

Ипакъ имашъ ты право, возлюблѣнный Фе-
доре! Шта насъ се тичу све оне свезе, коє лю-
бовъ не свезуе! ... О, шта бы я зато дала, кадъ
бы мой отаць у непримѣтной тишини, безъ
княжеске титуле и безъ ордена, на каквомъ маломъ
земальскомъ Добру живио! Кадъ небы нико име
нѣгово познавао, осимъ нѣгови подданни, и сынъ
нѣговогъ суседа, ты, Федоре! Сынъ мужа, кои
бы такође у миру живио, као и мой отаць! Ты
бы и онда мене любио, и нико ти на путь стао не
бы. Ахъ, онда бы я пресреѣна была!

Да, Федоре! я стрепимъ одъ величине, одъ
стрменогъ вр'а, на комъ несвестно стоимъ. Далъ е
истина да е Ронкалесъ еданъ путь казала: „да
властолюбивъ на едномъ мету стаяти не може, веѣъ
да онъ све навѣше мора, само да оборенъ не
буде! — О, коленоприклонно молимъ я Спаси-
теля опростителанъ према нама да буде! —

Пре неколико дана при упражнениу на парадномъ месту буде еданъ човекъ убиенъ. Наравно говори се ово и оно; но — мой е отацъ као крпа пребледио, кад' е ово чуо. Трговацъ, кои е згођенъ быо, стояо е врло бльизу за Царицомъ. Три дана весело отацъ мой ни е изгледао, но ипакъ свагда тугу свою гледао е да сакрие; па опетъ зато у еданъ путъ неотично излете му речи: „*я бы прошо бы!*“

Прошо, Федоре! прошо! а зашто? на кой начинъ? и ако таче ниє данасъ погодило — заръ не може сутра грозница или ударъ велику Царицу умртвити? Одкуд' я на то дођо? Два дана после овог' случая догодила се е смръть великог' Цара, и цео дворъ отишо е у дубокой жалости у Петрову цркву, гди е мртво тѣло нѣгово лежало. Я самъ пре тога тамо одвезла се, и стояла покривена црномъ завѣсомъ, сасвимъ сама у новоподижућой се цркви, у јошъ празномъ, црникомъ помазаномъ зданиу. Оно е било осветљено тисућама кандила која су ипакъ слабу светлостъ давала. Сад' дођу Дворяни у торжественномъ покою. Управ' према мени стояше царица, а за нѣомъ отацъ мой. Да л' тиняюћа светлостъ, или мое у ображенъ узрокъ е тога было? Сви ми се чиняху бледи, као сенка. — На Сандуку было е неколико врло узхитителни надписа и донешена е една слика Петра великог'. Я самъ сравнивала ту тако живо баядисану слику мртваца са бледимъ лицама живи' према мени, особито мога отца.

Безъ да самъ управ' на то пазила, почне музика врло лагано, дугим', задржаваюћим', простим' и сѣдинѣним' звуцыма. Я самъ іошъ еднако мысли мое упола на отца мога управляла, и за нѣга се Богу молила, ал' кад' на єданъ путь некій музики противный гласъ чу', гдѣ пои: „онѣ в пао!“ и после опеть мало: „онѣ в пао!“ — Я самъ се узколебала была. Па шта самъ чувствовала, кадъ на єданъ путь у одсечном' звуку сви противнимъ, музики, гласомъ: „*Ао!*“ повикаше. Ахъ, Федоре! ово „*Ао*“ проболо в душу мою као стрела, и нигда неће изъ душе мое исчезнути. У најбодрим' разговорима, у највеселим' шалама, у најлепшым' златним' собама, чини ми се ово „*Ао*“ да чуемъ. Нигда не седамъ за клавиръ безъ да се оног', срце раздирућег', тренутка не опоменемъ кад' се узвикнуло онда у цркви, а да ми у ушима не уи.

Я клонемъ и наслонимъ се на єданъ стубъ, кои в у црно завиєнъ быо. Свеће су пламтиле предъ моим' очима као блѣштеће мунѣ; а сводъ ми се учини као да се гипкан слика великог' Цара као да в претила, да ће да проживи. Прво што самъ чула, быо в єднозвучный гласъ с' речма: „*Јучи Маши! јуч'ше сесистре! наиѣ в ошаѣ пао!*“ И после овы' речи' мртва тишина! — Чело самъ мое наслонила на налоню, коя в пред-а-мномъ стаяла, склопила самъ руке, и клекла више одъ слабости, него изъ побожности. Кад' самъ се мало опоравила, подигла самъ се и мудричила, да то ништа друго ни в, него торже-

ство погреба. Забадава! я самъ кући са свимъ погружена дошла.

О, и осимъ свега тога я бы при овомъ торжеству више чувствовала, негъ сви присутствующи. Данъ смрти великогъ Цара! и они стояше тако ладни, тако зеваюћи, као да се опело доста брзо несвршуе! Заръ пролази споменъ важности едногъ одъ свию люблѣногъ човека јошъ брже, негъ нѣгова плоча? Тако многима е великій царъ добра указивао; и они могоше овако лако да га заборавае! — Федоре! кадъ бы теби година едина после смрти мое мой споменъ тако равнодушанъ быти мого: — елъ да бы онда болѣ было, да ме ни любио ниси?

После овогъ жалостногъ дана слѣдовала су торжества за торжествомъ Херцогу и Херцогини од Холштайна за часть. Мене не могу сва ова торжества да развеселе; ерѣ свагда чини ми се да чуемъ у души мојој оно „*яо!*“

Федоре! Графъ Сапиѣха дошо е. Знашъ ли да е сыну нѣговомъ рука моя опредѣлена была? Была! хвала Богу! была, садъ не више! Я то нисамъ знала; зато самъ могла с' нымъ да играмъ, шта више приятельски с' нымъ даговоримъ. На последку даде моя Мати знакъ, но пре не, до кадъ е отаць мысао већъ променуо.

Мени опредѣленъ? запытамъ я побледниши. Но садъ! више не? — „Садъ не више, кѣри моя.“ — Но одкуда то? Зашто не више?

Зашто є отаць мой мысао пременуо? — „Я сама неотступно молила шта више клечала, да бы ми изустно. Онъ ми є обреко, и обеѣанъ є свое веѣ испунио.“

„О Боже!“ повикнемъ я, и бацимъ се нѣнимъ ногама: „тако ѣу любезна майко! свакій данъ док' годъ узживимъ, предъ вама да клечимъ.“ — Плачуѣи подигне ме мати моя, и притисне немирно на свое прси. „Милло дете мое“ рече она прекидаюѣи, као да јошъ ниє се одважила, да л', ил' како треба да каже: „отаць є твой свезу ову тако лако, безъ сваког' задржаваня раскинуо, као што я нигда ни помислити нисамъ могла. — Графъ Сапиєха є сѣйна партия. Отаць твой метуо є руку на чело и седио є дуго замышлѣнъ, по видимомъ у великой бриги. „„Па зашто?““ рече онъ, у мысли да я не чуємъ. „„Заръ зато сама я животъ мой у овомъ мучеѣемъ безпокойству проводио? Заръ зато, да се тако оконча? Заръ да то све буде, што сама се толико мучио, бринуо, смрти претеѣой, све бльиже претеѣой беда насупротъ стою?““ Онъ спусти пониже чело. Мало за тим' подигне га опеть: „„Сапиєха! хмъ! тай бы ми свагда могло быти! ко зна! ко казати може, колико се я јошъ испети могу!““ — Выше не! возлюблѣный супруже! наставимъ я пуна бриге; выше не; єръ кои бы степень јошъ быо? — Онъ ми руку притисне и рече са врло приятнимъ существомъ, с блистаюѣимъ очима: „„Степень среѣног' отца! . . . Свеза са Сапиєхомъ покварена є!

То ти могу казати, ако те срећномъ чини“ “ —
„Врло срећномъ, наставимъ я плачући и за-
грлимъ га. Дай да еданъ путъ срећни будемо Алек-
сандре!“ — „Скоро!“ “ рече твой Отаць ра-
достно. — „Скоро, драгій супруже? Ахъ! лако
може тай тренутакъ исчезнути! Знашъ да е Ца-
рица смртна, возлюбленный Александре. Страно
ти ништа бити неће, ако ти кажемъ, да непри-
ятеља имашъ. — „„Управъ зато!... Свеза са Са-
пиехомъ поремећена е. Можда ће Марија емаць
наше среће бити!“ “ —

То е отаць мой казао Федоре! Шта то
значи? — Доста то, я самъ одъ Сапиехе безо-
пасна и радуемъ се, да е едно тешко окатрену-
ће прошло, безъ да е што друго проузроковало,
осимъ едногъ радостногъ страъ. Доћи у Петро-
градъ. Мати моя жели, да ми кажешъ, да самъ я
будала, што се тако прекомерно радуемъ, кадъ
е јошъ небо навучено претећимъ обрацыма. О,
Федоре! я оћу башъ да видимъ да лъ ћешъ у ста-
ню бити мене будаломъ да назовешъ, кадъ се
теби будемъ о вратъ обесила, и кажемъ ти:
да самъ јошъ я твоя! и да си јошъ ты мой! —

VIII.

Федоръ Маріи.

Поцекъ Мая 1726.

То ли є твой отаць казао? И ты — о како да те назовемъ! — ты се ни чему не на-дашь, нити се чега боишь? То називаешь ти ра-достнимъ страхомъ? Зарь ты мыслишь, да не твой отаць тебе за мене да да, кад' є Графу Са-пиєхи одреко? Зарь ты мыслишь, да онъ тво-имъ очима гледи, или да онъ тражи срепу твою? ни нѣгову собственну! Да, кад' бы властолю-бивъ цель имао! Онъ жели на ближайи степенъ да се испенѣ; онъ се є испео, и оне опеть на ближайи. Са свакимъ коракомъ у высъ, стои све опасне; на свакомъ вышемъ степену, има све выше не-приятеля, и вуждна му є вишина приятеля. Док' є на мало нижемъ степену Отаць твой быо, обе-лао є руку твою Графу Сапиєхи, да бы нѣговъ отаць подпора за нѣга быо. Но одъ оног' доба подиго се є онъ, и сад' моћный Сапиєха доволь-но моћи за нѣга нема. Маринна рука треба свог' отца на нѣговомъ несвестно високомъ месту да одржи, и тако мора не она нѣно срце да по-жертвує. Да, твоє верно, меко срце степенъ є, на кон онъ стає, да бы яко стояти мого.

Я познаемъ Сапиєху, ком' си ты заручена была. О, я га познаемъ, Марію! — Мы смо се

сукобили подъ планиномъ Готтхарда у Швайцеркой, кадъ самъ я у Италию ишо, и онъ е са мноми далъ путовао. Онъ е ведрогъ духа и топлотъ одушевльногъ срца. На врху Алпа, выше земль, выше облацы, стояли смо мы усамльни; ерь смо с' предуготовльнимъ воѣмомъ напредъ итали. Дубоко подъ нами лежаше, као положенъ камень, велика часть Швайцереке; предъ нами, као каквогъ сиромашка баштица, лежаху ливаде и усеви Италиѣ. Кадъ е онъ тако стояо, и на ниже поглѣдао, бывали су погледи нѣгови све више блистателни. Шта е животъ! рече напоследку онъ; „Уздисай за уздисаемъ, ништа више!“ — „Шта су све величине? сва высочества? — О, за какву насъ бедность озлобляваю!... Федоре!“ дода онъ с' погледма пунимъ жуднѣ: „дай ми срце едно, само едно, кое ме люби; и я ћу се радо овде у ма којой оделъной, мирной долини сакрити, и са зноемъ чела мога рану прибавляти.“ Онъ е оно изустило, што самъ я у мысли већ имао; ерь колико бы ми се маленъ животъ чинно на овой высини! — Мы смо овде вѣчно приятельство еданъ другомъ заклели. „Федоре,“ рече дай да будемо приятели, ма и противъ судьбине. Рачунай на мене док' годъ узживимъ!“ — Мы смо се на скоро разстали; онъ остаде у Итали; я одо у южну страну Французке, и више га не видо. Пре нег' што самъ твое писмо получио отвори неко врата одъ мое себе. *Тай неко* быо е Сапиеха. Мы смо обновили свезу нашегъ приятельства. „Я се женимъ!“ рече онъ на-

последку. — Срећно, ако те политика к' олтару не води! — Онъ се осмеиваше. „Истина, води ме политика у Петроградъ, еръ е отаць мой жеиндбу заключио; но любовъ ме к' олтару води. Я узимамъ старию кћерь Княза Менцикова.“

Несретниче! повичемъ я пребледиши.

Онъ ме погледи позадуго ћутећи и суморно. О, Марию! онъ е одъ мене больи! Но тако ми Бога, онъ те не любви тако, као я. „Чини ми се, Федоре,“ рече онъ кротко, „као да судбина оће наше пријателство шаломъ да учини. То неће бити. Зато говори Федоре! Я самъ ти казао, да Марию Менциковлѣву любимъ и да е она моя заручница.“

Но и я е любимъ, а и она мене любви. —

„На добро! я самъ мыслию, Богъ зна колико ће еданъ према другомъ великодушанъ бити, а — она те любви. Дакле ту се више ништа чинити не може. Буди с' ньоме срећанъ! Я уступаамъ“

Сапиеха! — Но — нећешъ ты ... твой отаць ... Князь Менциковъ ...

„Наравно, да ће мой отаць праскати; но я ћу, ако другче бити неможе, Петроградъ потайно да оставимъ, и дотле у Италиі ћу да живимъ, док' не забарави.“

Сад' самъ приповедио Сапиехи, како самъ се с' тобомъ познао, и какве самъ надежде себи представляю. Онъ се е мргодно. „Хмъ! то може приповедка да буде коя ће много уздисая да стане! Ако победи Менциковъ, то Марию добити нећешъ; победе ли Долгоруки, то онда іошъ

теже. Но, Федоре! рачунай на мене за живота и смрти! Я идемъ у Петроградъ и сироту Мариюбу мало да разгалимъ, ако што дознае, да е мени продана.“ — Ево видишь ли, што е узрокъ, тако лаког' разкиданя свезе.

„Можда ће Марія емаць наше среће быти!“ У целой природи емстуета оцацъ за срећу дече, а твой оцацъ? Богъ зна — каквомъ ћешъ властолюбцу јошъ ты твою руку дати морати! О, срца любовь познаю, почитую, суде а не виде е: Ты си оног' кои те дае, и оног' кои те добые, само емство међусобне вѣрности: само печать, на нѣговой свези властолюбия.

Не, при дворским' торжествама нећу да те видимъ! о томе ћу твојой майки да пишемъ. И ако бы ты ту у сјајной слави стояла, опеть зато не бы се смела усудити, мене да погледашь; ерѣ бы твоје очи стотине стражара чували, — не, тако те не могу да видимъ! радије ћу ићи по пробуђеной природи, па да изваявамъ обликъ твой у облацима, и говори ћу са твојомъ сенкомъ, док' изъ присутства одвученъ не будемъ, тебе не угледамъ и нечуемъ. У оной ладной дѣйстви-тельности, гди ћу тебе да видимъ, као ликъ одъ мрамора, не ћу те моћи опеть да познамъ.

О, Марию, ты незнашь, како я чувствуемъ, кад' ти у мом' присутству с' другимъ играшь, како се я залуд' мучимъ, очи мое с' тебе да скинемъ! Наравно, ты — ты можешъ умешношћу твојомъ, збогъ чега ти завидимъ ладно да ме погледашь, и невешта да ми се чинишь, као да мене

познаешъ; ты можежъ у облыжности моіой да стоишъ, и — я самъ самъ чуо — да си с' рассуѣнѣмъ, са смысленошћу говорила. Ако бы я хтео то исто, валя само, ма и подалеко одъ мене да си, руку да подигнешъ; и я незнамъ одма шта говоримъ.

Не, Марию! тако небу да те видимъ; тако не! Здравствуй. О, стрепимъ одъ будућности!

IX.

Мария, Софіи Ронкалесъ.

Петроградъ Юнія. 1826

Ево, любезна Софію! шилѣмъ ти сва нѣгова писма. Я самъ и за тебе преписала. Оригнале, не могу ти послати; премда се лако кодъ тебе не бы едно одъ овы неоценими' листака' загубило! видиѣешъ, добра Ронкалесъ! какве бриге онъ себи не уображава. Я мыслимъ онъ и майка моя и безъ нужде су неспокойни. Отаць е врло благъ према мени. И што е онда казао: заръ то управ' треба за озбиљно да се држи! ни е л' тако, любезна Ронкалесъ? Много пута више се, говори, тек' само да се нешто каже. — Кад' бы до мене стаяло, я бы предъ отца мога пала и признала, да благородног' Федора Долгоруког' любимъ. Истина, онъ бы се

мало намргодно; но онъ небы мого моіой любви, моимъ молбама, и сузама моимъ противстати, и шта више молбама мого Федора. Што ты мыслишь добра Софию?

Ты видишь, да онъ мене другче не жели да види, осимъ у нашемъ дому, но то мати моя не допушта. Ахъ, Софию! Како е нѣму у двору было, было е и мени. Я самъ се заруменила, кадъ самъ га видила; с'кимъ бы я сирота девойка и разговарати се могла. Майка ме е више одъ десеть пута збогъ главоболъ извинявала, зато, што самъ несоюзно одговарала, кадъ бы ме ко што упытао. Играла самъ, еръ самъ морала; но я знамъ, шта ме е свакій обртай стаяо.

При свемъ томъ, волела бы га да видимъ и у двору, него никако. Но духа довольно имала нисамъ, да му пишемъ, да дође; и тако, любезна Софию! пуна два месеца ни самъ га видила. Пре неколико дана давата е Посланицима часть у Петровомъ двору. После подне гледали смо различна увеселителна представляня. У вече е была шума осветлѣна. О Софию, како ми бы, кадъ самъ младогъ Грофа Сапиеху, приятела мого Федора видила! Онъ као да е примѣтно, да самъ се рада с'нѣме да разговарамъ, и приближи се. Подъ лепимъ изговоромъ удали онъ мого пратиоца. Я самъ почети хтела да гововимъ; но онъ ми рече полагаю: „ћути, ћути!“ и пође странпутицомъ крозь еданъ редъ дрва. Кадъ смо край овогъ достигли, повиче онъ десеть момака, кои су за нами ишли и рече имъ: „садъ идите!

и чините што треба да чините! — Они обсаде излазске овог' места, гдѣ смо се налазили. На еданъ путъ прѣстре се младъ еданъ момакъ кои е заостао, с' речма: „о Марию!“ у моя наручія. И то е было Федоръ. Сапиеха се удали неколико корачан и тако стояли смо у блистиюћой светлости одъ иляду светилника, подъ надстрешницомъ едног' брѣста, ког' насъ в гранѣ сакривало — о, ту стаясмо! метусмо чело на чело и плакасмо; — сузе радости и жалости. „Ето ты си ипакъ моя!“ рече Федоръ, и обувати ме яче дрктаюћомъ рукомъ око пояса. „Ал' и ти си мой!“ рече я, и притиснемъ нѣгову руку юшъ нѣжинѣ.

Сад' дође Сапиеха и брзо узме мою руку. Нѣгови десетъ момака ишли су за нама. Неко е было у обљижности. На скоро ипакъ лежала самъ на Федоровим' прсима, и момцы Графовлѣви стражарили су ово позориѣ.

После неког' доба дође Сапиеха к' нама, и узме с' умилномъ приятношћу наше руке. „Федоре,“ запыта онъ: „заръ ти любишь Княгиню више, него твой животъ?“ — О више, више, нег' иляду живота! одговори мой Федоръ. — „А вы Княгиньо?“ — Я самъ се заруменила; но я самъ притисла любимог' Федора яче к' себи.

„Е добро!“ настави благородно мыслећий Графъ: „моя е шайка у каналу безъ да ко зна. Возари су тамо и с' тѣлесним' потребама снабдѣвени. На мое се люде поуздати можешъ, они су ми вѣрни, и животъ ће за тебе пожертвовати. За четвртъ часа быћешъ с' Мариюмъ на мору. Наве-

зи се у Данцингъ и потайно крозъ Нѣмачку кришномъ узхитителномъ долиномъ у Швайцерску... Ево ти овде у овомъ дневнику вексле!... Ты ме укоченим' очима гледашъ? а вы Княгино бледите? Я вам' кажемъ, да отацъ вашъ нигда допустити неће, да Долгорукиј руку вашу узме. Што Вам' сад советуемъ, и што се сад' лако учинити може, быће доцније едино средство, кое вам' учинити валя."

Федоръ баци горелій погледъ на мене, кои ми у души мојой зактеванѣ зажеже, да понуду Графа примимъ. Я се бацымъ као изванъ себе на прси возлюбљеног'. Сапиеха одведе насъ, и мы дођосмо на каналъ, гдѣ су насъ очекивали. На еданъ путъ стане Федоръ. „Незакаснявай!“ рече Сапиеха. „Незакаснявай Федоре!“ Буди мужъ! тамо те очекуе најлепша срећа!“

„Да, повтори Федоръ; но и Мария треба да буде срећна! — Онъ ме погледа са любовным' погледима и рече Марию! ево превоза, кои насъ одъ надмобія отца твога уклонити може. Я бы спокойнѣ као Богъ быо, кад' бы нога твоя на нѣга ступила; но Марию! я те нећу да обрадуемъ ты ме любишъ и то ми е доста! свака суза кою бы ты одъ туге пролила, мене бы врло онесрећила. Разсуди само, Марию! и избери. Ты бы морала отечество, родителѣ, браћу, сестре и сроднике твоје да оставишъ, твог' достоинства, твог' иманя да се одречешъ; и я ти за све то само мое срце, мое вѣрно срце поднети могу.“ — То е онъ говорио са сузим' очима и гласомъ опоми-

наюћимъ. О Ронкалесь! онда га я притиско на прси мое, и реко: „Федоре! я самъ се хтела с' тобомъ у пропасть сюрити. Срећна? срећна бы я само на твоѣмъ срцу была! Но — смею ли майку мою оскорблявати? Ал' ипакъ избери ты за мене, Федоре! я ћу ты слѣдовати!“ —

„Я самъ изабрао, Марию“ рече онъ умильно: „Покой твоѣгъ невинногъ срца, а не срећу мою. Мы можемо едно за друго умрети: то насъ може за свагда срећнима да учини! Сузе туге могу очи твоѣ проливати; но нигда сузе каеня! Допусти, Марию! да се вратимо! Мы ћемо несрећни да будемо, ако тако быти мора; но невино!“

Любезна Ронкалесь, груди су мое у овомъ тренутку пуне были! — „О!“ реко я: „ты животъ даѣшь, Федоре!“ „То ѣ желя моя была, премда бы ти одма слѣдовала. Да, допусти да невинни останемо! Животъ ѣ тренутакъ; наша ѣ любовь вечита.“

Графъ Сапиеха рече смешећи се: „Благородни люди. Я бы реко, да вы добро не радите. И опеть, Федоре — кад' смо свезу приятельства заключавали, ни смо се заклели добродѣтель више, нег' срећу да любимо? И шта бы была добродѣтель, кад' више не бы постоянна, осимъ свака страсть, но najlepша!“

Доѣсмо у великѣй редъ дрва, безъ да су наше отсутствие примѣтили. Майка моя, коя ѣ управъ безъ друштва была, доѣе к' нама, и осмеиваше се, кад' ме на руцы Сапиеха види. Я узо Федорову руку, и реко: „ево могъ Федора! — О Софию!

я самъ хтела іошь све царици и мом' отцу да кажемъ. Майка се моя зачуди; но она ништа рећи могла ниє, будући су се више особа у оном' окатренућу приближавале.

Я се одвезо іошь оне ноћи с' майкомъ моимъ; ерѣ є моя сестра желала а мой отаць, као вр'овный Маршалъ морао є іошь да остане. Кад' самъ с' майкомъ насамо была, и поглѣдала, мѣшала самъ главомъ. — „Марію! каква є то не-смысленность! Шта си се у судила!“ — Можда бы се любезна майко! и више усудила была, само да є Федоръ хтео. Я іой исповедимъ предузеће Сапиехино, и наше бѣгство. Мати се моя уплаши при овим' речма и слушала є с' особитомъ пажньомъ, ишла є после неспокойна по соби, стане у єданъ путь и извести се о целомъ предуготовленю, коє є Сапиеха за наше безбѣднє предузео. На последку — видило се као да іой жалость речи противу волѣ нѣне откинула — и рече уздишући; „Марію, кад бы се случило; бы ли васъ срећнима учинило. . . .“ Она ућути и к' небу се обрене. „О Боже!“ настави она опеть: „Зарѣ да другче срећна не будемъ зарѣ другче срећне да невидимъ, нег' тако?“ Зарѣ ниє то толико значило, као да бы она желила, да се є догодило? О Софию! кад помыслим да бы ме благословъ мое майке и нѣно здравствуй пратило! . . . Сад' бы я већъ удалѣна была одъ мога Отчества, већъ Федорова срећна супруга, и скоро, скоро бы видила я високе Алпе твога Отчества, о коима си ми тако

често казивала, да су они пребивалиште невинности, слободe и любви!

Но да самъ одбегла, ахъ! заръ бы моя майка то исто казала? Не Ронкалесь, я морамъ остати; я морамъ! та я самъ едина, у чие прси моя добра майка свою тугу излива, едина, коя юй теготный животъ сносити помаже! О Софию! сви су тако небесно великодушни према мени: Сапиѣха налази прилику за мое бѣгство, као да бы я была нѣгова любезна; Федоръ неће срећанъ да буде, само да срце мое кривицомъ не обрeмени. Моя майка, моя благородна майка, дозвољава ми да бегамъ и нѣну несрећу не гледа, само мене срећну да види; а я само нисамъхт ела великодушна да будемъ? Ма што одъ мене было — оћу да останемъ. Срце мое нек' свагда любовь сахранява, но и прибежиште нека буде, гдѣ не добра моя майка с' нѣним' тугама да прибѣгава.

X.

Мария Федору.

Петроградъ, Юля 1726.

Добрый Федоре! кад' самъ Майки моіой за Сапиехова предуготовленя у Петровом' Двору приповедала, рече ми нешто, што є наличило, на одобраванѣ нашег' бѣгства. До сад' самъ ти ово таила Федоре! но сад', кад' самъ се са свим' одважила да не бегамъ, сад' ти кажемъ, само зато, да ти явимъ, како моя майка благородно мысли. Ты не любишь тако самопожертвовану; као што ме она люби. Како самъ горда, како самъ богата! Таква майка и такавъ приятель! видишь Федоре! мени ние нужно, да бегамъ, и ако майки моіой толико за утѣху и неслужимъ. Пусти нек' судба чини шта оѣе! Нек' насъ не понизи. Твога приятеля Сапиеху, советъ быо є мударъ; но ипакъ ние за насъ быо. Федоре! я осеѣамъ, да те осимъ свега любимъ, и да бы за тебе све пожертвовати могла; но онда небы се више гордита могла са невинношѣу: я осеѣамъ да бы и самог' тебе онда изгубила. Могуѣе є да нигда твоя небудемъ; но немогуѣно є да ѣу якадгодъ другче, осимъ с' поноснимъ чувствомъ на тебе да помыслимъ. Сузе? време іа суши, или баръ за цело гробъ. И колико дуго будемо іа ронили, насъ ѣе чувство величества управце да одржава.

Заръ бы се ты помоу коварства или преступле-
ня каквог' на престолъ испео, а не радиє предъ
престоломъ клечао, осећаюћи, да си достоянъ на
престолу да седишь? —

Майка моя после оне ноћи у Петровом' Двору
врло много о теби мысли. Данасъ іошь поћиу
да неколико неделя кодъ мое Ронкалесь проведемъ,
и за ово време моћићешъ и ты — подъ име-
номъ кое кодъ Ронкалесь носишь — ако уз-
хтешъ дневно долазити. О Федоре! да не буду
само неделъ ове растанакъ дуге вѣчности.

Херцогиня одъ Курландіе одпутоваће безъ
да є стварь отца мога окончала; но мой тетакъ
води парницу с' найвећомъ огорченошћу. Хол-
штайнскій дворъ изяснява волю према моме от-
цу непрекидно. „И заръ бы онъ мого то,“ рече
моя майка, „ако Царица не почне с' милошћу нѣ-
номъ да се колеба?“ Но мой се отаць сад' види
да є найнебрижніи. Кад' не бы будаласто было, о
овым' стварма, за єдну младу девойку рассуђава-
ти; то бы я управ' казала, да Царица іошь є-
днако люби мога отца. Она говори с' десетиномъ
други блажие, любезние, нег' с' нѣиме; но кад' с'
нѣиме говори, види се нека особита окретность
и са свим' непримѣтно повѣренѣ. А и како се може
мрзити, на оног', у ком' поверенѣ имамо.

XI.

Марія Федору.

У Пешрограду VII^{ра} 1725.

О, Федоре! какве дане проведо я с' тобомъ! с' тобомъ и моіомъ Ронкалесь! не дай да се више тужимо, добрый Федоре! Илядама люди одилазе у гробъ, безъ да су само еданъ часъ уживали. Одкуда е тѣло мое моѣ узимало! Само любовь могла га е одржати. Кад' бы ты іошъ зарана преко брда одъ Поцека овамо долазио, виѣала бы те веѣъ, и кад' бы насъ доцне у вече оставляо, пратили су те погледи мои, док' се веѣъ не бы у дальнини изгубно. За оны четири петъ часова спаваня добивала самъ опетъ свую мою снагу и ведрину, и данъ бы ми проуяо онда, као умилный тренутакъ.

Майка ми моя рече смешеѣи се: да самъ, у полю живеѣи, снажния и ведрия была. А я іой падо око врата, и повикнемъ: „О майко! па и среѣиния.“

Шта више и отаць ми е ласкао: да самъ сад' лепа, врло лепа; Я ти то кажемъ Федоре! ерь моя майка мысли, да ни е то безъ каквог' значеня. Заиста отаць нигда не бы требао кѣри своіой тако што да казуе, а мой ми казуе сад' тако често!

Царица е почела нешто да поболѣва. Одъ како се то примѣтило, напада отаць мой младогъ великогъ княза; и садъ говоре нѣгови неприятельи: да ње га управ' то да обори. Майка е моя неспокойна садъ више, нег' игда; нѡй лежи заиста нешто друго у глави, а не само падежь дома нашегъ. Примѣчавамъ често да е плакала, па кадъ бы помислила, да самъ я узрокъ суза нѣни', она ме кадшто притискуе на свое срце, оѣе да говори, отвори веѣъ и уста, па опетъ ништа не говори.

Но све то врло ме мало обезпокоява. У срцу е момъ толико надежде! Тако ми е, као човеку, кои е у сунце гледао, па после у мракъ каддоѣе, јошъ дуго остае сјайность, кою е очима своима гледао. О нигда се неѣе Федоре! споменъ на невиную радость, кою си ми ты у онимъ среѣнимъ днима дао, изъ могъ срца изгладити.

XII.

У Пешрограду, IX^{бра} 1726.

Данась є отаць Буркенталь б' нама дошо. Онъ є дошо ненадно у собу майке мое. Она га є позадуго двоумеѣи поглѣдала. Кад' га напоследку познаде, загрли га и рече: „Ты ли си, любезный, верный, мудрый човече! О, Боже! хвала ти! сад' не се све опеть на добро да окрене! ты нешь животу мом' надежду и покой дати.“ (Онъ погледи на мене и сестру мою:) „Ово су кѣри мое, Мария и Александра.“ Добрый отаць просузи и притисне нам' руке срдечно.

Майка є моя по отца веѣъ послала была. Онъ доѣе и падне свом' старом' приятелю у наруч'я. О! сад' видно, да и мой отаць уме да люби; ерь овог' човека истинно люби; онъ не пре-стаде с' погледма пуним' нѣжности да га посма-тра. Коснуть рече онъ напоследку: „добрый Брукенталу, тебе самъ любю, па те и сад' іошь любимъ. И ты — ты си ме мого да оставишь! Ты си любовь мою изневѣрно.

Брукенталь стисне мог' отца за руку, у место да му одговори.

„Па ко одъ насъ двоице има право?“ запы-та мой отаць.

„Я, одговори Брукенталь у великомъ дви-женню; я имамъ право; а ваша Свѣтлость... и пакъ ну да преѣутимъ.

„Де, говори Брукенталу, говори: Шта ћешъ да кажешъ?“

Да се Вашей Свѣтлости іошъ еднако чини, да имате право — стае васъ малог' уздисая? — Да л'куца подъ овомъ звездомъ ово срце тако спокойно, као подъ овомъ худомъ чоіомъ мое? Нек' васъ Богъ одржи Княже Менцыкове; или што иначе?

Мой отаць побледи, и поћути мало. „Што бы ты мого Брукенталу,“ рече напоследку; „то я немогу.“

„Вы бы могли,“ настави онай мирно и отважно; „Вы можете іошъ и сад'. — (Мой отаць загледао се озбильски у землю.) „О! кад' бы я вашъ добрый Геніи быо, мылостивѣйшій Господине! Вы знате, како самъ васъ люблю. Кад' самъ васъ године 1714. оставио, и духовникомъ постао, онда сте вы сами признали, да я добро чинимъ; слѣдуйте напоследку човеку, кои васъ любви, кога унутрашній стрâ старог' Господара свог' и благодѣтеля ради обузима. Слѣдуйте вашем' васъ опоминаюћем' Генію!“

Мой ѓ отаць іошъ еднако ћутећи стояо и на єданпутъ рече: „Ты видишь да ни єдно одъ твои' предскизиваня догодило се ниє. Ко сад' има право? пытамъ я.“

Я! Дванайсть є ово година одъ како самъ васъ я мой Княже оставио. Зацело то време ни самъ нигда мрзио, и нигда стрепио. Моє є срце было спокойно, моє спаванѣ, ма и на тврдой земљи, приятно. Єли тако и вама

было? (Очи отца мога потавне.) Я се надамъ безъ бриге доодеhem' дну. Можете л' и вы? . . . За оно зашто сте *сирешили* да неизгубите, заръ већъ ние изгублѣно? . . . Вы іошъ можете, што самъ я мого; а то е: да се у найвећу тишини изъ тог' метежа извучете. Будите у последнім' годинама живота вашег' најблагородниѣ што быти можете: „*Ошацъ дѣце ваше!*“

„Добрый, верный Брукенталу управ', да то будемъ, морамъ да останемъ гдѣ самъ, — морамъ іошъ се выше да испенѣмъ.“

Великій Боже! іошъ да се выше испенѣ? О, какавъ несчастивый демонъ! . . . Како бы вы лако могли несрећный быти! Молите болну Царицу за одпустку, и посетите купалишта у Пизи. Ваше в богатство у Венеци.

„О, престани! я немогу. Но ипакъ ћемо о том' да говоримо, кад' будемо насамо. Айде са мною!“

Ты невѣруешъ Федоре! како самъ радостна была кад' самъ ии заедно одлазеће гледала. У радости срца мога загрлила самъ майку мою, и реко іой што в она преће казала: *о! сад' ће се све на добро да окрене!* — Я самъ іошъ радостна была кад' ми е она о Духовнику приповедала. Да, Федоре! овай спокойный человекъ, свима ће нам' покой дати. Я самъ се одважила нѣму срце мое да одкріемъ. О, кад' бы ты видно нѣгово равно, ведро чело, кроткій постоянный погледъ очню, прозирућу бледоћу нѣговог' благородног' лица! И бледоћа ние боя болешљивости

и бриге; већъ рассуђуюће мудрости. У присутству нѣговомъ губи око отца мога онай гордый, оштрый погледъ, и у свима нѣговимъ чертама видити се може благоволенѣ. Заиста! Отаць е мой добаръ. Наравно онъ другче и не може, него гордъ према людма да се показуе, кои предъ нѣмъ пузе и ласкаю. Нѣму ни е странно, да на нѣга сви мрзе и надаю се падежу нѣговомъ. Но ево човека предъ нѣмъ, кои га любви; и садъ ѣе гордость нѣговогъ гласа, у любко благоволенѣ да се прелие. Одкадъ е овде Брукенталъ, отаць се мой осећа срећнимъ; зато е садъ и больи, можда и мудри.

Я много полажемъ, на долазакъ овогъ мужа, когъ намъ е провиђенѣ као анђела Хранителя послало. Онъ е отца мога већъ два путъ одговорно, да одъ опасногъ достоинства нѣговогъ одустане. Да оће Богъ дати, да му за рукомъ испадне! Здравствуй! —

Мария ние много казала о духовнику Брукенталу. Онъ е еданъ одъ они люди, кои су искуствомъ до мудрости дошли. У младимъ годинама јошъ заключно е онъ с' Менцивомъ пријателство, кое е и врло великій испытъ одржало еръ е еданъ одъ нѣи двоице брзо до највећега достоинства и попео се. Менциковъ е было царскій любимаць и учинно е Брукентала своимъ Генерал-Помоћникомъ. Овай е изъ честолюби-

ви намѣра у Руссию дошо и онъ се е хтео пети, као и Менциковъ, и путь стояо му е отворенъ, будући га е Петаръ великій познавао и любии. Но на еданъ путь престане у службе се умећати и стане с' Менциковомъ о срећи покойног' посебног' живота да се договара. Менциковъ му се ругаше; но онъ одустане одъ тог' доба одъ пута тог' клизавог'.

Оба приятеля често су се препирала о цѣли живота. „Ты оћешъ да се пенѣшъ,“ рече Брукенталъ; „и ты ћешъ се пети, еръ заслужишъ. Но онда ће се зависть, будалаштина и чезненѣ за чешћу против' тебе да подигне. Све ћешъ выше и выше пети се морати, да бы се само обдржао; и напоследку ћете случай какавъ да оборн.“

Кад бы му Брукенталъ тако што говорио, смешио бы се Менциковъ само, еръ е онъ на любовь Цара и нѣгову способность рачунао. Онъ се испенѣ, и што е выше се пео, то е озбилниѣ Брукенталъ мыслио на то, да немирный животъ честолюбя остави: Изилазило му е некій путь за рукомъ да князу докаже, да опасно стои. По совѣту нѣговом' Менциковъ е велико количество новца у банку венецианску положио; но у кратко буде опетъ яко у свезе властолюбя заплетенъ. Сад' га е хтео Брукенталъ да остави; но будући да га е Менциковъ молио да остане: то онъ рекне: „Е добро! я ћу да останемъ кодъ тебе док' првый путь у немилость не паднешъ! и

онда треба да идешъ са мноми!“ Менциковъ му обрече смешеѣи се.

При изтраживаню сврху превара великаша, кое ни е за дуго после подъ Предсѣдательствомъ Василя Долгорукогъ было, падне Менциковъ у немилость, и Царъ га после ни погледати хтео ниѣ. „Я самъ пропао!“ рече онъ Брукенталу. „Долгорукий е побѣдио!“

„Па садъ“, настави Брукенталъ; „кадъ ћемо иѣи? и куда?“

Менциковъ се забрине, почне да размышлява, да прави планове, и Царицу да моли. Брукенталъ га е ономенуо на обрицанѣ нѣгово; но Менциковъ е то сматрао за шалу, и изискивао е времена да се промисли. Нѣговъ приятель рече: *Онай кои шражи да се промисли, шай основе шражи да неће!* Па добро! я самъ баръ садъ слободанъ. Ты ћешъ милость царску опетъ да добиѣшъ; о томъ я несумнямъ. Но — кадъ едномъ несрећанъ будешъ, онда ће ти нужно бити срце едно, као што е мое, комъ ти прибѣгнути можешъ!

Брукенталъ добие одъ Цара заповестъ, неколико врло велики Рекрута у Шоцдамъ да доведе. Онъ испуни овај налогъ, но при повратку у Данцынгъ покалућери се. Царъ, кои га е нерадо изгубио, обећавао му е врло лепе награде да да; но Брукенталъ одбие све, безда е много размышлявао, и Менциковъ га више видно ниѣ.

Врло е често узрока имао овај реѣи: „да самъ я могъ вѣрногъ Брукентала послушао! Онъ е

«единый быо, кои ме е любно!» А зашто упыта га княгиня еданъ путь, кад' е ово нѣнъ мужъ изустно; — зашто онъ единый? „Зато, ерь онъ ни е тежно за достоинствама.“ А да е тежно? были те любно? —

Сад' после дугог' разстанка дошо е опеть Брукенталь. Тек' што е Менциковъ с' нима на само быо, упыта га са срдачнимъ притиштаемъ руке; „Любишь ли ме іошь добрый Брукенталу? и ако те ова альина одъ света раздвая, само одъ мене не?“ —

— Княже мой!..... и „Зови ме Менциковомъ, и ты као и пређе.“ Менцикове! ништа ме к' теби довело ние, осимъ желя, да твой опомнюи те Геній будемъ. Ты си цео светъ твоимъ именовъ напунио, и стоишь на врху чести и славе. Остави, доста е! На све си се степене испео, само е іошь еданъ остао.

„Да Брукенталу,“ повиче Менциковъ с' блистающимъ очима; „іошь еданъ е степень остао! Я речи твое као каквог' пророка сматрамъ. Кад' ты шта више и на тай степень мыслишь...!“

Да, Менцикове, іошь еданъ: *самовольно с' швое высине да сиђешъ!* неспокойном', бриге пунном' животу честолюбя и властолюбя да одкажешъ! сва твоя достоинства да оставишь, и себе с' породцомъ твоіомъ у безбѣдность да поставишь.

„То ли ты мыслишь? Зато іошь има времена.“

Времена? — Менцикове, заръ е око твое срећомъ са свимъ заслеплено? ты владашь Руссиномъ; една половина света дркне одъ твогъ имена; силни цареви траже твое благоволенѣ. Но ты си раванъ ономъ найсиромашниемъ човеку, само си одъ саданѣгъ тренутка Господаръ; будућий ние твой, онъ принадлежи судбини, коя светове уништава и сваку величину изменяе. — *За што има времена!* — Менцикове! то бы требало и найнезависимии человекъ да не каже! а ты, кон одъ свию найвише зависишь! за кога су се пропасть илядама пакостни людии заклели! „Башъ зато! има увекъ — или нигда времена. — Заръ да се самъ упропадимъ? Одустанемъ ли я, то ће другій место мое да заступи, поверенѣ царичино да задобие, а я самъ онда прошао.“

Добра твоя у Венециі Менцикове! она лепа Италия! твое ново Отечество! —

Менциковъ е позадуго ћутао; па напоследку рече намргодивши чело: „Само онде е отечество мое, гдѣ я владати могу!“

Тако дакле бѣный! кой бы то степенъ быти мого, на кой се ты јошь попети мыслишь?

„О, негледай ме тымъ погледомъ страшила? Ако е игда душа моя чиста была; то е садъ при помыслу, да се јошь на овај еданъ степенъ попнемъ. Занста Брукенталу! не идемъ ни на какво преступленѣ. Заръ ты мыслишь, да бы я одъ тебе што сакрио? — Но садъ нећу. Прси мое треба да су лаке, ако желимъ о томъ да гово-

римъ! Брукенталу! я бы требао, да на тебе мрзимъ, као на мог' najveћeg' душманива; еръ ме ты разстрояващъ у моим' мыслима; ты узбунюешъ мою душу. Заръ ми ништа друго не можешъ да предскажешъ, него несрећу, плашльивче!?"

Плашльивъ? — Я самъ се на страни твою борю, и смрти грозио. Или заръ ты мыслишъ да се я боимъ да непадемъ, кад' самъ ову альину навучо? Ком' су непотребни ласкательи, тай се не бои даће достоинство да изгуби . . . Менцикове! ты ћешъ твой животъ у несрећу да бацышъ; еръ си га се наживао. Но — ты имашъ деце; и само овај є тренутакъ твой!

„Има дванаиствъ година, одъ како еднако тако говоришъ,“ рече Менциковъ смешеши се: „Тебе є судбина опредѣлила за манастирь, мене за . . .“ —

Разговоръ се прекине, и скоро се ненастави.

Брукенталъ є живио као приятель у Менциковлѣвой палати, и одъ дана на данъ све є више повереня задобило кодъ породице нѣгове; еръ Князь нигда тако добаръ, тако приятанъ быо ни є, као сад', одъ како в духовникъ к' нѣму дошао. Марія ползуе се првим' часовима, како є насамо с' овимъ была, одкрие му, да се она и Федоръ любе. „Долгорукій!“ рекне духовникъ машући главомъ и осмене се. Онъ є

гледао Маріи да докаже, да њинову любовъ никако отаць њѣнъ одобрити неће.

„Вашъ е отаць „рече онъ често и то яко одъ Долгорука' увреѣнъ бивао. Вы вальда мыслите да ће любовъ ваша обе породице да помири? Моє дете! Омраза, која е са страѡмъ скопчана, нигда се не изглади. Вашъ отаць мрзи на Долгоруке, но онъ и се и бои. А ови? кои се ни најманѣ не тиче вашег' отца приятельство; они оѣею самовласть њѣгову! Оставите се ваши надежда и любви ваше.“ —

Надежде се могу, но любви нигда! —

Обое се чинило Духовнику то исто; но Марія га увери другче. „Заръ се тако яко,“ рече онъ напоследку озбиљно: „некій зао духъ с' вашимъ домомъ титра, да отаць и кѣи оно што е немогоѣно желе? ... Вы сте требали любовъ вашу да уталожите, како сте име Долгорукий чули.“ —

Уталожити? добрый духовниче! као што се види, вы нигда любили нисте.

„Ни самъ; еръ ме е властолюбие у младости обладало было. Но — я знамъ шта може человекъ, кои добро жели; и кѣи едне такве матери треба, против' свию страсти, све оно да жели, што е добро!“

Марія продужи с' одважнимъ погледомъ; управ' зато и любимъ Федора Долгоруког'! ... Мы бы могли сад' на еданъ путь сѣдинѣни быти, кад бы робови наше любви были.

„За свагда седивѣни? Како бы то могуће
но было?“

Мария приповеди Сапиѣхова предуготовле-
ня к' бѣгству, додавши узрокъ, збогъ чега хте-
ли ни су да бегаю. Духовникъ се запрепасти,
кад' се болѣ извести, и кад' прочита Федо-
рова и одъ Ронкалесъ писма, рече: „не заиста
нисамъ я любовь познавао!“ — Онъ е говорио
с' майкомъ Маринномъ, и понуди се, да кодъ Кня-
за сва могућа употреби, како бы овај дозволио
Маринну любовь. Мати му падне око врата, а
Мария повикне: „о, Боже! тако љу я ипакъ срећна
да будемъ! Мой васъ отаць любви! —

„Да онъ ме любви!“ одговори Брукенталъ;
„но јошъ нигда слѣдовао ние мом' савету, ако
не бы скопчано было с' каквимъ нѣговимъ до-
бытомъ. Но ипакъ љу да гледамъ, како да му до-
кажемъ, да ће му ова свеза добитъ да при-
несе.“

Мати и кѣи загрле честидостойног' овог'
мужа с' дрктаюћим' рукама. Она е знала, да се
милость Царичина према отцу нѣном' делуя,
да е потайно сазаклеће против' нѣга учинѣно, на
кога вр'у зетъ е нѣговъ быо, и да се на то иде,
да онъ конечно у немилость падне. Ово е могло
лако да буде. Князь е сад' горди и нег' игда быо,
свакѣ е данъ одлазио к' младоме великом' Кня-
зу, и тражио свакояко овога милость да задо-
бие, што е Царици морало у очи пасти, и што
е облагиванѣмъ врло лако подозрително быти
могло. Свако е очекивало, с' потайнимъ ускли-

цаѣмъ нѣговъ скорый падежъ. Сад' се ѣ нада-
ла Княгиня, као и Брукенталъ, да ѣ свеза нѣне
кѣри с' Долгорукимъ неприятелѣ мужа нѣног'
раздвоити и тые, да ѣ онъ свое преѣашнѣ
достоинство и важность да воспостави.

Брукенталъ наѣ Княза у врло замышлѣ-
номъ положеню, насамо.

„Што ѣ то да си тако озбилянѣ Менцикове?
Мужъ као што си ты, кои се за тако среѣна
држи, зарѣ тако замышленѣ? тако пунѣ бриге,
ако казати смемъ.“

„Никад' правнѣ! А зарѣ да се я небринемъ?
Зарѣ я ни самѣ отацѣ? и зарѣ я роллу мою ни
самѣ скоро изиграо?“

„Скоро изиграо? Ты ме плашишѣ, тако твоя
супруга има право! и зарѣ ѣ сад доцне?“

„Доцне? О чему ты говоримъ я мыслимъ
о моіой смрти. Колико іошѣ имамъ да живимъ!
видишѣ Брукенталу! вѣчне бриге, вѣчна напре-
заня, па како весео да будемъ, кад самѣ не-
спокоянѣ и како да приятельствомъ лицемеримъ,
кад' мрзимъ: ова вѣчна напрезаня измождала су
ме. Живно самѣ наравно дуже, него ли многи
старци, кои су стогодня преживили. Но — шта
мысли моя супруга? у чему мыслишѣ да има
право?“

Хмъ! она се бои, да твои неприятелѣ не
претегну; и она ѣ намыслила нешто, кое
ми се не види, да ѣ рѣаво. Да се с' едномъ чаш-
ѣу одѣ нѣи помиришѣ, као на прилику, с' Гра-
фомъ Девиромъ.

„С' нѣме? Незна л' она, да я никога тако не мрзимъ? Овай човекъ, кои ме е нагонно, да му сестру мою дамъ! Брукенталу! ты све знашь. Тренутакъ онай, кад' ми е Царъ подсмеваюѣи се реко: да сестру мою у црkvу водимъ! Ако се на Девиру не осветимъ, то онда ни самъ живио; Са свима ѣу преѣе да се помиримъ, шта више, и са Долгорукима, само не с' Девиромъ.“

Е, па добро! дакле с' Долгорукима. И болѣ е с' едномъ породѣцомъ, коя е отлична и упливъ обезбѣѣенъ! Ако бы ти случай веѣтъ средство дало, да се с' Долгорукима помиришь?

„Дед' да чуемъ! Помирень с' Долгорукима?“

Кѣи твоя Мария люби едног' младог' човека изъ дома овог'. Она бы среѣна была, кад бы ты . . .

„Моя кѣи Мария? люби Долгоруког? Кога дакле одъ тако млого?“

Сына Лукиѣева Федора.

„Хмъ! врло се е млого породица та у томе надала; а и было е првый поступакъ нѣговъ добаръ. Побѣда у Персѣи; и тай е човекъ младъ и лепъ. — Тай дакле! Сад' тек' сваѣамъ зашто е онъ на еданъ путь изчезо, и одъ отца и стрица се отрго, и као што се говори, с' мудрованѣмъ на польскомъ добру живи. — Хмъ! као супругъ едне Менцикове сад' да опеть ступи. Овай планъ Долгорука' нѣе рѣаво скроенъ, само како бы ме у мом' смѣли. Глатко доста! Залюблѣна кѣерца, майка кѣерцу подпомаже, а и добаръ приятель е, кои ходатайника представля; овакови бы могли, мыслимъ, отца, Богъ зна на што навести.“

„Заръ ты“ настави Брукенталъ смешеи се, „свуда планъ властолюб'я увиѣашъ! Заръ е ово нешто необично, да се двов млади люди любе? Ты држишь случай за надалеко одбаченый планъ о ком' нико и немысли.“

„Случай? Хмъ! да л' сы такви више доживио? Я самъ мало — Како е Мария младог' тог' човека познала?“

Брукенталъ приповеди, и Менциковъ е налазио у свима Федоровимъ састанцыма с' нѣговомъ кѣрю, шта више и у одпловеню, лукавый планъ Долгорука' да нѣговъ униште.

„Е па!“ рече „Шта бы было, кад' бы се Долгогоруки с' тобомъ сѣдинили.“

Менциковъ се осмеиваше. „Я ти кажемъ: меѣу ми се замке. Но нек' бы было све, као што ты кажешъ.... Ето па читай! тайну мою, мста живота цель.“

Брукенталъ тихо прочита писмо за писмомъ и опеть остави лагано. Дакле то е! Е ако е овако; то е любовь кѣри твоє наравно препятствие!... Цѣлю живота твога називашъ ты то?! Тако си ты іошь пре дванайсть година, кад' самъ те оставио, намѣравао твою кѣрь Марию Царицомъ да учинишь? Великій си быо и опеть сад' држишь се да ниси; тек' сад' тастъ Цара оне да буде! —

„Ты се ругашъ Брукенталу! Па заръ ты налазишь у плану што неприродно? Царица поболѣва; нѣна е смрть близу. *** Дворъ подпоможе мой планъ, па и ты га морашъ подпома

гати. Шта є великій Князь безъ мене? Немогно дете! — А — не заслужує ли Мария моя престолъ? Или заръ є то првый примѣръ да Царъ свога поданика кѣрь узима за супругу? Та гди є само наша Катарина была? Право! ком' се прилика тако укаже, као теби! Заръ бы Долгоруки другче чинили? — И кад' ты Великог' Княза на престолъ попнешъ; с' киме бы га другимъ делио, него с' твоіомъ кѣрю! Не мора ли *** Дворъ твоє планове са свима силама подпомагати, кад' є великій Князь изъ нѣгове крви произишо? Ко бы другій у име недорастлог' Цара Царствомъ владао, него ты! Твоя кѣи любви истина єдног' Долгоруког' но на престолу да л' ѣесе сузе осушити. Но и ако то не буде: — нек' твоя Мария жертвомъ постане, само, ако ты владати можешъ! Но Менцикове, ты зидашъ єднако, и не размышлявалъ како лако бешика твога гордог' зданія разпући се може. Великій є Князь іошъ дете: — оѣе л' онъ кѣрь твою любити? И, шта више! Заръ те не може каква грозница или што іошъ манѣ нег' то, каква рѣава воля, да скруши? Наравно — ко зна, какавъ бы планъ твоє властолюб'є онда іошъ излегло!

„Брукенталу! ты ме почиѣшъ да вреѣашъ. Мой бы планъ и сама невинность могла про-
извести.“

Да, то бы могла она; но то ништа не доказує за тебе. Кад' бы ты напредъ знати мого, да ѣе прво царско предузиманѣ великог' Княза

быти, да ти твою власть и званія одузме: бы-
л' ты онда нѣга на престолъ метуо, што му
престолъ принадлежи?

„Да л' бы или не? Говори! Шта бы ты чи-
нно, кад' бы на мом' месту было?“

Нѣга на престолъ метуо, ерь е право; но он-
да не бы престао предъ нѣм' стрепити. Онъ бы на-
скоро увидити морао, да онай мужъ, средствомъ
кога е круну добыо, да е тай у станю и одузети
му е. И мыслишь ли ты, да бы онъ таквог' опас-
ног' човека мого любити? ... На тебе мрзе Ве-
ликаши, на тебе мрзи цела Царска породица.
Твое велико богатство дражи желъ свию, кои
само неку надежду имаю, да ће се при падежу
твоме десити, да деле. Оно се на теби мрзи,
што се на законном' Монарху не мрзи; ты си
као и свакій другій у Царству само подданикъ.
Оѣнешь ли се противъ ове омразе моѣи одржа-
ти?“

„Оно е тако, но я ѣу свагда времена до-
ста имати, да се натрагъ повучемъ.“

Времена доста! заповедашь ли ты будућ-
ности, као каквомъ дворянину, кои снуждено у
предной твоіой соби чечи? ... Ты стоишь на
огнѣдишуѣемъ брду, Менцикове! подножие подъ
тобомъ се гипка; и ты оѣнешь іошь ново зда-
ние на нѣму да градишь? ... Кѣи твоя любви
младог' Долгоруког'. Подай му е! Доста е баръ
паметно, ако е нѣму дашь; моѣни Долгоруки мо-
гу ти достоинство твое утврдити.

„Како? зато самъ заръ радио? Зато животъ безъ радости сваке проводио? Зато наипосле...“—

Но, далъ! зато наипосле...

„Да, зато ли самъ наипосле срце мое с' вѣчно глобућимъ ме бригама обтерећавао, зато, да се тако сврши?“

Него како? Еданъ Долгорукій да ти е зетъ! Заръ си ты саняо другче, кад' те е Царъ узвышавао? Тако свршити! него како?

„Та одступити одъ угледа чести! Ништ' не бити, башъ ништа, кад' самъ све быо! Брани ты спокойный животъ у самоћи, како умилно оћешъ; дай свима моима чувствулама непресѣчно најлепше уживанъ: — па я самъ при таквомъ животу опетъ несрећанъ!“

Ма куд' ты нишо Менцикове! слава ће те твоя да прати. Свакиъ човекъ у Европи, кои те видно буде, или за твое име чуе, готовъ бы быо зачућеним' погледма твом' власто и честолюб'ю жертву да принесе.

„Башъ и ако бы хтео Брукенталу! я не могу! Стваръ е кодъ * * * Двора почета. Я бы пропао, ако бы се натрагъ повуко.“

Но, тако мети великом' Князу круну. Теби ће се онда као заслуга да урачуна, ако се с' вкe'рю твоіомъ натрагъ повучешъ.

„Да л' бы ми се веровало, ако бы я награду одбацио, кога ради самъ я стваръ предузео? Мыслишъ ли ты Брукенталу! да мене у * * * за добродѣтельног' држе? Мене бы оддали Царицы, и я бы быо онда изгублѣнъ.“

Но, тако обећай ми се баръ . . . великій е Князь іошъ дете, много ће година' да прође, док' се стваръ озбиљно предузме . . . обећай ми се, да ћешъ Маріи да допустишъ, да она изборъ чини, коме руку да да.

„Брукенталу! ты ме страшно мучишъ. Зашто ми новим' бригама обтерећавашъ срце мое, кад' іошъ ни старе снело ние! . . . Я самъ отаць и любимъ децу мою. Да самъ я за себе човекъ, любовь кѣри мое была бы едно одъ найзнатнѣн дѣла. Но сад'? Немамъ времена за играчке и непослице. Судбомъ — или самъ се я самъ попео у висину и сад' мораю деца моя висину ову да деле. Она су рођена да владаю: зато любовь нека имъ е као каква играчка, која и истина треба за еданъ тренутакъ да увесељава, но нигда да свеже. Кажи то Маріи. Она е дете, а и онай младый човекъ готово исто то, ако не као змня, која подъ цвећемъ лежи. Нигда не може онъ руку нѣну добыти! немогуће е. Заръ да се я своевольно упропаستمъ? а то само да волю детета испунимъ, која ће после неколико месецы сама по себи да изчезне.

Брукенталъ рече ладно: „ты нећешъ! Богъ с' тобомъ Менцикове! Я се враћамъ у мой манастиръ натрагъ . . . Кад' све постигнешъ, што постигнути желишъ: — шта ћешъ онда?

„Онда ћу моћи можда животъ проводити, као што ми ты саветуешъ.“

А срце твоє кѣри было бы уцвелѣно! . . . Менцикове, твоя кѣи непознає властолюбя, а ты

онетъ као што ми се види исто тако мало любовъ. Ты животъ твой властолюб'я ради на коцку мећешъ. А Марія исто тако любви нѣне ради.

Менциковъ у тренутку овом' намргодивши се мыслно е на свог' зета, кои га е принудио, да му свою сестру даде. „Я се не могу надати Брукенталу! да ће тай младый, несмысленый человекъ.... Нек' се онъ само крие, да я не опазимъ! Теби е познато, и кажи кѣри моіой како наиболѣ знашъ, да ми е немогућно, ма с' коимъ човекомъ и у найманѣ повѣренѣ да се упустимъ. Но ипакъ закопай планъ мой! Видишъ да другче ние! Необорима судба одвукла ме е!“

Твое страсти заръ судьбомъ називашъ, вољомъ неба!... Менцикове, я самъ те опомену! „То си ты іопъ пре дванаиствъ година често чинио. Опомини іопъ дванаиствъ година единако! Ко зна шта ће се донде да догоди.“

Брукенталъ оде одма к' Маріи. Она га е жельно изгледајући пытала: „Но? Шта каже мой отаць?“

„Проѣтите се свию надежда, Принцезо! Ову жертву иште вашъ отаць одъ васъ; и у колико га познаемъ, онъ и мора то да зактева. Нужда му налаже.“

...! Нужда? каква нужда заповеда, да се срца деле! .. Есте ли отцу мом' казали, да...

„Све! а вами сад' кажемъ, да не те, ако при вашей страсти останете, бурю, коя веѣтъ грози, скорие и страшниѣ привести; да, вы волю вашег' отца нетреба да покварите; да...“

„Ел' онъ юпгь мой отаць?“

„Да и ниѣ!“ — вы ипакъ нетреба да престъжете кнѣи нѣгова да будете. Или заръ зато да вашъ отаць ниѣ, што любовь вашу за пролазну држи? Што сву цѣль нѣговог' дѣятелиог' живота, стра свию нѣгови' брига' неѣе да да, да зато притиштай руке и умилно осмеиванѣ одъ васъ добне?“

„Какѣ? Заръ тако треба онай человекъ да говори, ког' самъ и за приятеля држала?“

„Да како? Приятель нетреба да ѣ ласкатель. Ваша любовь може юшѣ толико велика, толико благородна, и чиста да буде — да л' не може свака девойка подѣ истомъ, што бы вы казали, будаласту страсть бранити? С' чиме доказати можете, да ѣ страсть ваша боля одъ сваке друге? С' лепимъ узрастомъ и руменим' устнама вашег' приятеля? Кад' бы се отаць вашъ ругао и подемевао; шта можете и шта бы онда казали на то. — Вы негодуѣте тако страшно властолюб'ѣ отца вашег'; но не бы л' вы овой страсти исто тако яку страсть противоположили! И, коя да уступи?... Вы се чините, као што самъ примѣтно, врло с' мыслима слѣдства да сте заузети; но ипакъ отаць ѣ вашъ тако моѣанѣ, да бы вашег' одводителя и изъ найсакривенниѣ места до вуѣи мого. Вашъ приятель, благородный Долгорукий, быо бы онда жертва. А и куд' бы одбе-

гли! Вы вни славног' Менцикова! Гдѣ бы се испредъ илядама бдеѣи' погледа' нѣговы' пла-тежни' служителя, или испредъ іошѣ оштрие любопитльвости, сакрити могли? И коя бы се земля одважила, тако моѣном' отцу нѣгову од-бегшу кѣрь да одкаже! За необезбѣѣену среѣу одъ неколико месецы, вы бы животъ тако бла-городног' младог' мужа упропастили! ... Вы бле-дите? Да, вашъ бы се отацъ страшно осветио. Помыслите само, како онъ непомиримо вашег' Тѣтка, Графа Девира мрзи, ерѣ му е онъ еданъ одъ плана нѣгови осуѣтио. А вы, Принцезо! Ваше бы бѣгство найвышій му планъ осуѣтило, кои онъ оѣе, кой е іошѣ пре толико година хтео... Јошѣ еданъ путь. Проѣтите се свию надеж-да, и надвладайте вашу страсть. Задовольство вашег' целог' дома и среѣа младог' Долгоруког' изискуе.“

Мария продужи лагано и дрктаюѣимъ гла-сомъ: „Вы мыслите, да бы я мога приятеля не-среѣнимъ учинити желила...“

„Да! кад' бы вы у найтешной свези с' ныме были, или кад' бы се и найманѣ воли отца вашег' противити хтели. Принцезо іошѣ нешто! Вы повода даѣте, да отацъ вашъ Долгоруке на ново вреѣа. Бой измеѣу нѣга и дома овог' ние іошѣ свршенъ. И кад' бы вашъ отацъ пао, ка-ко бы онда?“

Маріине очи са свакимъ тренуткомъ мир-ние су постаале, и одъ прилике ладным гласомъ рекне: „кажите, отцу моме, ако за совѣтно др-

жите, да я небу одбећи, ерѣ ми јошѣ свагда едно остае, што никаква човеческа снага забрани-ти не може; да самъ се одважила: *да ништа неправедно не чинимъ, но шакође — ништа неправедно да и не шришимъ!* —

XIII.

Мария Федору.

У Петрограду Хвра 1726.

Побуђена чувствомъ искренности, да ћу те до вѣка да любимъ, узимамъ перо, да ти кажемъ, да су све надежде наше прошле. Ты си казао еданъ путь. „*насѣ двоє нешреба у брой люди, да се сшавлямо!* О! ньиове страсти, ньиове будалаштине, уништаваю срећу нашу, цепаю срца наша, и руке наше раздваю; да лбы они то могли, кад' мы не бы ньима принадлежали? — Чиняше ми се све лако; я мышля тврдо, да ћу непогоди с' спокойним' грудма на супротъ ићи, и судбини, као и люд'ма противити се. Но духовникъ е Брукенталъ преварљиву завесу, кою е любовь и врло тврда вѣра на човеческу добродѣтель, на очи мое метула, радерао.

Све зна отаць мой. Брукенталъ му е казао, како те пресилно я любимъ. И опетъ онъ — онъ се осменво, и извскуе одъ мене покорность.

Ты неможешъ руку мою добити; она є веѣь другомъ опредѣлѣна. Я самъ се осменвала, кадъ ми є духовникъ то казивао; ерь самъ мыслила, ко ме нагонити може? Онда погледи ме калуѣерьъ страшно, и рече ми прегеѣи: „Федоръ є жертва, ако се вы не покорите! „Я самъ се осменвала єднако; наде ми на умъ море и лаѣица прятеля твога. Но садъ ми скиде завесу с' очию мов' и я поблєдимъ. Кудъ да' бєгамъ? Докле не допире влада отца мога? О Федоре! гдѣ те не бы познали? И у найсиромашнїимъ альинама издао бы те твой узрастъ, твой погледъ, високо благообразнє твога обхоѣеня. Гдѣ бы годъ были, свуда бы насъ моѣь отца мога гонила као аветъ каква. Коя бы се земля противила, и насъ нехтела да изда? И кадъ бы насъ дочєпао — онъ не бы опростио, Федоре! — Ты бы жертва быо. Испытуй срце твое Федоре! шта бы я радила, кадъ бы ты жертва быти морао? Не, я самъ се свию надежда прошла. Я ѣу те вѣчно любити, и верна ѣу ти до смрти остати. Никаква сила неѣе моѣи срца мое одъ твога одчупати. Ако ма што видишь да одъ садъ радимъ, или одъ мене чуєшь: не сумняй, я оставмъ твоя. Како бы лако мой отаць препетити мого, да ты ни єдног' писма одъ мене, и я одъ тебе недобыємъ! Но — Я самъ ти вѣрна, ма што я чинила. Не сумняй башъ и ако чуєшь, да самъ с' другимъ к' олтару приступила. Я му руке мое недамъ, ма се и на смръть жертвовала. — Писма твоя подай самъ

у руке Ронкалесь. Она нам' е вѣрна; ерь е она добродѣтелна, као и мы.

Брукенталь е право имао. Я самъ се сама съ моимъ отцемъ разговаряла. Онъ дође у собу гдѣ смо мы я и Ронкалесь кодъ мое майке седили, и за мое сестре именданъ, кои ће до осамъ дана бити, алыну съ њинѣувама градиле. „Твой е данъ роѣня“, рече онъ смешеѣи се, „осамъ дана поздне. Я желимъ, да те онда веселу застанемъ.“ Мени се очи наводнише. Отаць майку мою гнѣвльиво погледи, и горко' рече: „Суморность на молодой девойчицы трпяти не могу.“ Я самъ се напрезала веселомъ да се покажемъ. Онъ продужи суровимъ гласомъ: „Безъ сумнѣ, седите овде, Ронкалесь као и ты, и правите планове, како ће те отца да преварите, и Маринну играчку, да покривате. До твог' роѣня дана шалу ѣу твою Марно! крозь прсте да гледамъ, но дуже не!“

Майка моя кротко настави; „мени се чини, ты говоришь о Маринной наклоности к' младом Долгоруком'. Тако су се догодила редка обстоятелства“...

„То е будалаштина предобре майке, попуштанѣ слабе управительке, и неразумльивость младе девойчице.“ — Ты знашь, да на Маринно срце тако лако што утисакъ учинити не бы могло, и управ' зато заслужуе поштеду за ѣна чувства. Тай е Долгорукий тако добарь человек!

Марня га познавала ниѣ, до онда, кад' та ѣ пр-
вѣй путь видѣла. —

„Сотым' горе, да она срце свое првомъ ког'
ѣ видѣла подчини. Я ѣу меѣутым' као што ѣ
речено, ову стварь, за играчку да сматрамъ, но
вами совѣтуемъ, да се с' тым' задовальите, ѣръ
ако за озбильность уземъ, тако...! (овде почну
очи нѣгове пламтити). Чувайте се да не уземъ
за озбильность! Па и ако бы тай младый чо-
векъ образацъ свию добродѣтели быо, опетъ
зато ништа изъ тога быти неѣе! Я знамъ, Рон-
калесь, до ѣ онъ кодъ васъ быо, да сте вы тако
слаби были, и иза леѣа мои будалаштину двоѣ
ови' млади' подпомагали. — Знамъ и то, да ѣ
онъ с' вашимъ знанѣмъ овде быо. — Продрз-
льивъ много быти мора, кад' се онъ Княза
Менцикова бояо ниѣ. — Но одъ сад', Марио! за-
бранюемъ свакиѣ састанакъ овог' вида, и сва пи-
скарания. До сад' си любовь мою познавала; не
натеруй ме, да ти гнѣвъ мой показати морамъ!
А онаѣ младый человекъ? Я бы се на нѣму стра-
шно осветио, ако бы, ма и миговима замети-
ти дао, да си му ты склонѣна была!

Онъ бы морао ту суѣту пропашѣу нѣговомъ
платити!“

Федоре! погледи отца мога тако су страо-
вити были, да ѣ майка моя и Ронкалесь дрѣтала.
Но я самъ се осеѣала, као некимъ чудомъ на
ѣданъ путь умирена, и могла самъ при себи
бывши казати: да нигда више о овоѣ несреѣ-

ной страсти небу говорити, то вам' се обричемъ отче мой!

Онъ намргођено погледа. „Не надай се, да ћешъ ме да преваришь. Могла бы може быти за неко време; но с' тым' бы ужасниѣ снашла васъ osveta моя!“ Ово су му были последнѣ речи.

Ронкалесъ е плакала. Она и майка ми нису могле никакo да свате, како самъ я тако спокойна могла да будемъ, а и имъ опетъ незнадо да разяснимъ. На заиста была самъ спокойна и сад' самъ више нег' игда, ерть самъ се тврдо одважила. Кад' е могло снажно одушевленѣ суевѣрия іошь пре неколико година разколнике до тле довести, сва мученя постаяно да издрже, заръ да ово тако истинито, тако свето одушевленѣ вѣрне любви да ми не обезбеђеный животъ презрителнимъ не учини? Федоре! шта више надежду осећамъ оцетъ у прсима моима: надежду да ћемо іошь едномъ сединѣни быти!

Отличность домова наши' пренећуе бѣгство наше. Одсад' ћу ги морати реће писати, а іошь реће те виђати. Но твоя остаемъ. Ићи ћу, куд ме узводе, чинићу што се зактевало буде, шта више слѣдоваћу ако нагоне, да с' другимъ предъ Олтаръ ступимъ. Но овде, гдѣ моя сва надежда изчезава, овдѣ ће те око мое тражити, овде буди, протури се, и бацы се мени у наруч'я. Мы ћемо ясно казати, да едно друго любимо, и умрећемо ако будемо морали, или срећни ћемо быти, ако човечество прѣва своя докаже. Зашто да срца

наша при оваким' очекиваняма и предприятяма
спокойна не буду!

Любовь е моя све одбацила што земљи
припада чиста и небесна гори она у изяснѣной
души. Я стоимъ као блаженный Духъ, узклица-
ваюѣй надъ гробомъ. Ко сме, ко ме може сад
одъ тебе разставити! Осеѣашъ ли садъ, Федоре
мой! зашто самъ тако спокойна? Васцелый жи-
вотъ, са свима нѣговим' бригама и свима нѣго-
вим' радостима, тако ми е сиромашанъ, да јошъ
само участвуемъ у неспокойству майке мое. Она
се поплашила збогъ неизвѣстие борбе обои ве-
лики партая дворуки, између кои Царица спокой-
но стои, безъ да се за едну ил' другу изяснява.
Мой е отаць омраженъ и изпада изъ милости;
но онъ брани младог' велиног' Княза, Петровог
унука, и збогъ тога му е народъ на страни, прем-
да е иначе с' њиме незадоволянъ. На другой су
страни толики великаши, кои су му обелоданѣ-
ни неприятельи, и као што моя майка мысли, и
и Холштайнскій дворъ. Царица полбоѣва и ле-
кари су се поплашили, да не умре. Пре све-
га рѣшити се мора, ко пада; отаць мой или нѣ-
гови неприятельи. Сви стое у плашльивом' оче-
киваню и бацаю погледе омразе на свое непри-
ятелѣ; само майка моя поглѣда пуна бриге у
очи отца мога. Она неможе да спава и кад' про-
сти, саня найстрашние сне. Зацело ће она и
ако отаць мой побѣди, жертва нѣговог' вла-
столюб'я бити. Ахъ! на то онъ немисли. Да
ни е срце мое тако спокойно, то бы и мой жи-

вотъ нѣнимъ бригама огорченъ быо. „Надвлада
ли твой оцацъ,“ каже она, „то си ты конечно
пропао. Падне л' онъ, Марио! ко ће те онда
одъ падежа одржати!“ Но — заръ онъ мора или
побѣдити, или пасти? Заръ провиѣнѣ ние и
ляду други средства оставило, да се яко замр-
шено клупче одмота, безъ да га кравый мачъ
пресеца?

Но, како, тако, я самъ ту! Ако ме прови-
ѣнѣ не избави; то ћешъ ме ты избавити; и мы
ћемо загрлѣни нѣи, кудъ бы неколико година
преѣе отишли: у гробъ, у комъ никакве стра-
сти, но саму любовь изузимаюћи, понели бы.

С В Р Ш Е Т А К Ъ

I. Свезке.

ОБЗНАНА.

Друга и последня Свезска *Федора и Мариѣ* быће готова до половине месеца Марта. — Ако бы јошъ кои желио да се пренумерира на ову другу Свезску, послаћу му и прву и име у другу ставити. Дакле до половине Марта примаю се Пренумеранти, а доцниѣ приспѣвши, примаю се; но немогу се у књигу да ставе. Цѣна ѣ и ове П^{ге} Свезке за Пренумеранте 30 кр. ср. Одъ 10 припосланы' пренумеранта' добива Г. Скупитель 11^{ту} на даръ за трудъ свой. — Међутымъ обе Свезске, коѣ ће имати до и преко 20 печатаны' табака', доцниѣ се добити могу за 1 фр. 20 кр. ср. — Такође књига „*Црногорка или Шанѣ Црне Горе*“ по смрти Владике Црногорског' Петра II Петровића Нѣгуша, у стиховима са повѣстничким' и другим' примѣтбама заедно са Ликомъ Владике Петра II Петровића Нѣгуша, кои ѣ Г. А. Јовановићъ најпре фотографирао, и после за дѣло ово мое литографирао, добити се може по 30 кр. ср.

У Бечу 20 Февруара 1852.

М. Д. Рашкићъ,

Landstrasse, Hauptstrasse Nr. 59. 2. Stock.

Г. Г. ПОДПОМАГАТЕЛИ КНЬИЖЕСТВА СРБСКОГ.

У ЦАРСТВУ АВСТРІЙСКОМЪ.

Б е ч ъ.

- Свѣтлый Князь Михайль Милошъ Обреновићъ . 20
- Высокородный Г. Стефанъ Радичевићъ пенз . 5
- Полковникъ и быв. Попечитель К. С. . 5
- Благопоштенор. Г. Теодоръ Д. Тирка велико- . 2
- купаць 2
- Благопоштенор. Г. Я. Мойсиловићъ великокупаць . 2
- „ „ Я. Владиславъ великокупаць . 2
- „ „ Дмитрій К. Мировићъ ве- . 2
- ликокупаць 2
- Благопоштенор. Г. Петаръ Леко великокупаць . 2
- „ „ Антоній Кириаць Цанковъ ве- . 2
- ликокупаць бечкій, Българинъ отъ Свищовъ . 2
- Благопоштенор. Г. Павле Вуніъ великокупаць . 2
- „ „ Константинъ Антоновићъ трг. . 1
- Благородный Г. Крста Костићъ ц. кр. поручикъ .
- пѣхотне регим. принць Емиль родомъ изъ .
- Голубинаца 2
- Благород. Г. Александеръ Живановићъ Белоцр. .
- рег. Лант. родомъ изъ Баранде 2

Благопоштенор. Г. Јованъ Барбуловићъ трго- ваць за свою неѣаку Софию Коларовићъ . . .	2
Благородный Г. Јованъ Добранъ цкр. толмачъ и агентъ дворскій	2
Высокоуч. Г. П. Папакостопулосъ свр. лѣкаръ	1
Искусный Г. Анастасъ Јовановићъ Литографъ	1
Благопоштенор. Г. Никола Петровићъ	1
Благопоштенор. Г. Атанасиѣ Слабакъ трг.	1
Высокородна Г. Марія Радичевићъ за сына Александра и кѣрь Стану	2
Благопоштенород. Г. Даница Алексићъ за сына Александра	1
Благоштенор. Г. Матица Думба роѣ. Германъ	1
Искус. Г. Стефанъ Ерцеговаць свр. Лѣкар. родомъ изъ Осѣка	2
Искус. Г. Дмитриѣ Радовановићъ свр. Лѣк. родомъ изъ Новог-Сада	2
Благор. и Высокоуч. Г. Јованъ Я. Живковићъ свр. Правдословъ	1
Высокоуч. Г. Младень Коларовићъ II. год. Слуш. Правословия, Карловчанинъ	2
Благонадежд. Г. Теодораѣ Минко Николаевићъ Слуш. наука', Българинъ отъ Рушчукъ	1
Скупио Г. Никола К. Станковићъ Правникъ	
Г. Г. Петаръ Урошевићъ изъ Вршца помоѣ. трг.	1
— Миланъ Маринковићъ	1
— Никола К. Станковићъ Правникъ изъ Арада	1
— Ђвтимиѣ Льота помоѣ. трг.	1
— Јованъ Николићъ помоѣ. трг.	1
— Александеръ Белаковићъ Слуш. Политех.	1
— Дмитриѣ Пантићъ изъ Беогр.	1

- Г. Г. Албертъ Палфій помоћ. трг. В. Т. 1
 — Борђе Гаванскій „ „ „ „ „ „ 1
 — Василій Недельковичъ помоћ. тргов. 1
 — Светозаръ Крестичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Григорие Живковичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Марко Поповичъ изъ В. Бечкерека помоћ-
 никъ тргов. 1
 — Константинъ Теодоровичъ трг. изъ Земуна 1
 — Стерия Думча изъ Земуна „ „ „ „ „ „ 1
 — Петаръ Јокичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Василій Хаџи Стояновичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Борђе Хаџи Стояновичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Константилъ Славничъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Димитрие М. Величковичъ трг. 1
 — Марко Секуличъ трг. помоћ. „ „ „ „ „ „ 1
 — Лука Ничевичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Марко Суботичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Либомиръ Краиновичъ трг. помоћ. 1
 — В. Деспиничъ за сынове Петра, Констан-
 тина и Павла „ „ „ „ „ „ 2
 — Василій Николичъ „ „ „ „ „ „ 1
 — Скишио Г. Бранко Влашкаличъ „ „ „ „ „ „ 1
Высокоблагородный Г. Борђе одъ Стратимиро-
вичъ ц. кр. Подполковникъ 5. Уланске рег.
Кавалъръ украса Милоша Обилића „ „ „ „ 2
Благор. Г. Тимотей Буричъ цкр. Капетанъ Ка-
валъръ Крста Службе и Заслуге „ „ „ „ 1
Благор. Г. Давидъ Буричъ ц. кр. Капет. Кав.
Крста Заслуге „ „ „ „ 1
Искуснѣшій. Г. Корнелие Станковичъ Худож. . . 1

Благопоштенор. Г. Дмитрій Александровићъ	
трг. изъ Вршца	1
Господична Марія Недельковићъ шо	1
Благопоштенор. Г. Никола Рига трг.	1
Благонадеж. Г. Арсение Вуйићъ Помоћ. трг.	1
Благон. Г. Константинъ Јовановићъ Помоћ. трг.	1
Благон. Г. Лука Ничевићъ Помоћ. тргов.	1
Благопоштенор. Г. Јованъ Борђе Коста Папа	
трг. изъ Београда	1
Господична Елена Борђе Коста Папа изъ Беогр.	1
„ Елисавета Борђе Коста Папа изъ	
Београда	1
Благопоштенор. Г. Константинъ Папа изъ Беогр.	1
„ „ Атанасие Исаиловићъ трг. изъ	
Београда	1
„ „ Мияило Станковићъ трг. изъ	
Београда	1
Госпожа М. Станковићъ изъ Београда	1
Благопоштенор. Г. Дмитрие К. Христићъ трг.	
изъ Београда	1
Господична Магдалена К. Христићъ изъ Беогр.	1
Благопоштенор. Г. Борђе И. Бурићъ тргов. изъ	
Београда	1
Благонадеж. младенацъ Јованъ Б. Бурићъ	1
Господична Станка Б. Бурићъ	1
	136

Кралѣвство Угорско.

Б у р њ.

Благопоштенородный Г. Стефанъ Баићъ Трго-	
вацъ за сына Луку и Јоцу	2

Сегединъ.

Благопоштенород. Г. Михайль Жеравица трг. . 10

Кралѣвство Далмация.

Дубровникъ.

Высокоблагород. Г. Еремия Гагийъ царско-рус-
скій Генералный Консуль 5

Пречестнѣйшій Г. Георгій Николаевичъ прот. 5

10

Трестъ.

Высокоученый Г. Дмитрие Владисавлѣвичъ на-
ставникъ младежи 3

Честнѣйшій Г. Григорій Анжелиъ наставникъ
младежи и Протоѣаконъ 3

Благопоштенородна браћа великокупцы Гопче-
вичи 5

Библиотека Славног Общества Трестиянског' . 10

21

Войводство Сербия.

Б а я.

Благород. Г. Дмитрий Севиъ, Градоначалникъ 1

„ „ Георгій Хациъ, Бележникъ . . . 1

„ „ Павель Шимиъ Благайникъ за
кѣрь Персиду 1

„ „ Александеръ Ацковиъ изсл. ц. кр.

Шайк. Поручикъ 1

„ „ Георгія Крстаниъ Писарь 1

Благопоштенор. Г. Самуилъ Ненадовићъ тргов.	1
„ „ Стефанъ Савићъ трг. за сына Владимира	1
„ „ Андрия Мравићъ тргов. за кћеръ Марию	1
„ „ Коста Јовановићъ тргов.	1
Господична Марія Атанацковићъ	1
„ Мила (Зора) Николићъ	1
Г. Георгиј Зора Турчићъ за унука Доситея Обрадовића	1
Г. Живко Пантелићъ, за кћеръ Марию	1
Г. Тоша Поповићъ казанџија за унука Ђорђа	1
Г. Коста Марковићъ	1
Г. Силвестеръ Марковићъ	1
	<hr/>
	16

Велика Кикинда.

Послао и скупио благопоштенор. Г. Константинъ Стефановићъ трговацъ.	
Благород. Г. Павле Трифунацъ диштрикт. Началникъ В. Кикинд. Окруж.	1
Благород. Г. Константинъ Петровићъ Окр. Вел. Кикинд. Фишкал	1
„ „ Алекса Лаковићъ Окр. Рачуноводитель	1
„ „ Александеръ Радакъ Окр. В. Кикинд. Сенаторъ	1
„ „ Харитонъ Јовановићъ Окр. В. Кикинд. Сенаторъ	1
„ „ Александеръ Поповићъ Окр. Бележникъ	1

Благород. Г. Младенъ Мацаревићъ Окр. Од-	
правникъ	1
„ „ Павель Недићъ Окр. Писмохрани-	
тель	1
„ „ Атанасиѣ Удицкій Окр. Контролоръ	1
„ „ Лука Поповићъ Окр. Писаръ . . .	1
„ „ Михаилъ Стефановићъ Окр. Пис.	1
„ „ Димитриѣ Нинковићъ Окр. Писаръ	1
„ „ Никола Јовановићъ Окр. Писаръ	1
„ „ Симеонъ Бадрльица Окр. Кассе	
Адм. Писаръ	1
„ „ Петаръ Богдановићъ Окр. Кассе	
Писаръ	1
„ „ Алекса Веселиновићъ Угорски	
Права Адвокатъ	1
„ „ Ђвта Крстановићъ В. Кякиндскій	
Бележникъ	1
Благоразум. Г. Лазаръ Кирићъ Учит. III. Классе	1
Благород. Г. Васа Бибићъ ц. кр. Среза вник. Кан-	
цел	1
Благопоштенор. Г. Александеръ Николићъ трг.	1
„ „ Стефанъ Николићъ трговаць	1
„ „ Стефанъ Рослицковићъ „ . . .	1
Поштенород. Г. Лаза Јовановићъ Чизмаръ . . .	1
„ „ Димитрій Бугарскій Сапунция	
за сына Стевана	1
„ „ Павель Степинъ Землѣдѣлаць	
и ревнитель Књижества Срб-	
скогъ *)	1

*) живо! —

Скупио Г. Кузма Мацаревъ Дѣвочкѣй Учитель.	
Благородна Госпожа Елена одъ Стратимировиѣ	
изъ Кулпина	1
Благородна Господична Катарина одъ Стратими-	
ровиѣ покровительца Кнѣжес-	
тва Србског'**)	1
„ Г. Марія Јовановиѣ Любит. Кнѣ-	
жества Србског'***)	1
„ „ Нина Кенгелацъ Любит. Кнѣ-	
жества Србског'***)	1
„ „ Отилия одъ Стояновиѣ Любит.	
Кнѣж. Србског'***)	1
„ „ Катарина Богдановиѣ Люб. Кнѣ-	
жества Србског'***	1
„ „ Христина Веселиновиѣ Любит.	
Кнѣж. Србског'***)	1
„ „ София Лаковиѣ Любит. Кнѣж.	
Србског'***)	1
„ „ София Стефановиѣ Люб. Кнѣж.	
Србског'***)	1
„ „ Нина Капришъ Люб. Кнѣж. Срб-	
ског'***)	1
„ „ Анна Поповиѣ Люб. Кнѣж. Срб-	
ског'***)	1
„ „ Ефимия Станоевиѣ Люб. Кнѣж.	
Србског'***)	1
„ „ Стефанъ Велицковиѣ цкр. Вел.	
Судацъ Среза Субботичког' (Ve-	
zirks-Richter)	1

**) Наспори, Боже! —
 ***) Живиле све любительнице напредка Србског'! —

Благонадеждный	Александръ Мирковъ	ученикъ	1
1	„	Георгій Ристиѣ	„ . 1
1	„	Арсеніе Б. Паскиевиѣ	учен. 1
1	„	Ааронъ Андреевиѣ	учен. . . 1
1	„	Петаръ Мартиновъ	ученикъ . 1
	Благонадеждна	Любица Јовановиѣ	ученица . 1
	Скупно Поштекород.	Г. Лука Акимовиѣ	Чизмаръ.
	Благопоштенород.	Г. Георгій Барбуловиѣ	трѣ. 1
1	„	Димитрие Поповиѣ	трѣ. 1
1	„	Георгій Петровиѣ	трѣгов. 1
1	„	Димитрій Стояновиѣ	трѣ. 1
	Поштенор.	Г. Јованъ Мильковиѣ	чизмаръ и
1	„	Чл. ком. 1
1	„	Матей Милосавлѣвиѣ	Сапунѣя
		за сына Петра	1
	„	Јаковъ Барбуловиѣ	чизмаръ . 1
	„	Јованъ Стойковиѣ	Новосаѣан. 1
	„	Кроячъ за сына Лазара	1
	„	Георгій Николиѣ	Чизмаръ . . 1
1	„	Симеонъ Никковъ	Чизм. . . . 1
1	„	Стефанъ Радивоевиѣ	Чизм. . . 1
	„	Петаръ Вишацкій	Чизм. . . . 1
1	„	Павелъ Петровиѣ	Палинкарь Чл. 1
1	„	Димитрій Драгиѣ	Чизм. . . . 1
	„	Симеонъ Токинъ	ѣурѣя за сына
1		Саву	1
	„	Димитрій Павловъ	Чизм. . . . 1
1	„	Василіе Поповиѣ	Сапунѣя . 1
	„	Коста Младеновъ	Чизм. . . . 1
1	„	Јованъ Котецъ	Сребродѣлатель 1

Поштенор. Г. Георгій Стояковъ црковный сынъ	1
„ „ „ Димитрій Петровиѣ Кроячь	1
„ „ „ Јованъ Акимовъ варга	1
„ „ „ Савва Акимовъ Касатинъ	1
„ „ „ Лазаръ Ивковиѣ берберинъ	1
„ „ „ Савва Обрадовиѣ чизмаръ за сына Василя	1
„ „ „ Георгій Васиљевиѣ абация	1
„ „ „ Стефанъ Петровиѣ ѣурчия	1
„ „ „ Коста Димитриевиѣ Чизм.	1
„ „ „ Аронъ Катаниѣ Угоститель.	1
„ „ „ Петаръ Јосифовиѣ црков. сынъ	1
„ „ „ Павелъ Новаковъ Землѣдѣлаць	1
„ „ „ Антоній Панчеваць Землѣд.	1

53

З е м у н ъ.

Скупно и послао Благор. Г. Мишка Катана Полиц. Чиновникъ.

Благород. Г. Георгій П. Лацко Полицай комесаръ за сына Паю	1
„ „ „ Андреа Чортусъ Контум. Чиновникъ	1
„ „ „ Георгій Мушицкій Докторъ Медици у Контумацу	1
„ „ „ Стефанъ Саввиѣ ХХХ. Чиновникъ	1
„ „ „ Георгій Пантелиѣ Докторъ Медицине	1
„ „ „ Милошъ Радончиѣ Докторъ Медицине и Физикусъ града Земуна	2

Благопоштенор. Г. Димитрие Петровиѣ великокупаць за унука Димитрия Харишъ

1

Благопоштенор. Г. Теодоръ Кирица притяж.	
добра	1
„ „ Константинъ А. Петровиѣ	
великокупаць	1
„ „ Зака Ј. Јовановиѣ трговаць	1
„ „ Димка П. Спирта трговаць .	1
„ „ Павле Будимировиѣ тргов.	
и Арендат	1
„ „ Георгій Дамяновиѣ трг. По-	
моѣ. кодъ Г. Ферка	1
„ „ Дмитрие Чутуковиѣ трг. у	
Угриновцы	1
„ „ Стефанъ Андреевиѣ тргов.	1
Послао Благоп. Г. Стефанъ С. Андреевиѣ трг.	
Благопоштенород. А. Карамать трговаць . . .	1
„ Г. Тома Павковиѣ трговаць	1
„ Г. Георгій Петровиѣ трг.	1
„ А. Д. Јовановиѣ трговаць	1
„ Тимотей Коларовиѣ „ .	1
„ Константинъ и Кириль	
Спида трговцы	2
„ Лазаръ М. Урошевиѣ трго-	
ваць	5
„ Никола Дума трговаць .	1
„ Георгій Ш. Јовановиѣ	
шпекулантъ	1
„ Георгій А. Соларъ трго-	
ваць и Сапунѣя	1
„ Дмитрие Ж. Максимовиѣ	
трг. и Сапунѣя	1

Благопоштенород. Г. Јованъ В. Васиљевићъ	
трговацъ	1
„ „ Јованъ С. Чутуковићъ Пу-	
шкарь майсторъ	1
„ „ Михаилъ Б. Јовановићъ	
Шнайд. майст.	1
„ „ Павле Паланчанинъ Јова-	
новићъ Шнайд. майст.	1
„ „ Константинъ Радићъ за	
сына Саву Шнайд. м.	1
„ „ Борђе Д. Рашићъ за сыно-	
ве Нику и Косту	1
„ „ Тома Златићъ трг.	1
„ „ Илиа Зубовићъ Арендаторъ	
и Ковач. майсторъ	1
„ „ Игњать П. Јовановићъ	
трговацъ	1
„ „ Петаръ Гуда трг. Писаръ	1
	<hr/>
	42

Карловцы Сремски.

Благород. и Высокоуч. Г. Василий Лукићъ Ди-	
рект. и Проф. Поэзиѣ	1
Господична Елена Живковићъ	1
Госпожа Персида Живковићъ притяж. добара	1
Госпожа Ружица Т. Лазаревићъ „ „	1
Господична Софя Влаховићъ	1
Блогород. и Высокоуч. Г. Марко Јовановићъ	
Патриаршиѣ Србске Эк-	
спедиторъ	1

Блогор, Г. Никола Хаџићъ Канцелста Петриар.	1
Благопоштенор. Г. Евтимия Деяновићъ Економъ	1
	<hr/>
	8

М е л е н ц ы.

Благопоштенород. Господ. Јосифъ Кланћъ трго- ваць за сынове Лазара и Гаврила.	2
Честнѣйшій Г. Николай Бибићъ Свешт.	1
„ „ Лазаръ Бибићъ „	1
„ „ Марко Јовановићъ „	1
Благопоштенор. Г. Јова Тана Зевићъ трг.	1
„ „ Јованъ Христофоровићъ трг.	1
„ „ Димитрие Јанковићъ „	1
„ „ Трифунъ Мишковићъ „	1
„ „ Георгій Неделковићъ „	1
„ „ Теодоръ Теодоровићъ „	1
„ „ Теодоръ Пайда „	1
„ „ Георгій Јанковићъ „	1
	<hr/>
	13

М и т р о в и ц а.

Высокоблагор. Г. Јованъ одъ Милекићъ Кава- лѣръ одъ Карловаца ц. кр. Маіоръ.	5
Благопоштенор. Г. Ђока Милекићъ великокуп.	4
„ „ Никола Адамовићъ тргов. за Супругу свою Анку.	2
„ „ Коста Јовановићъ тргов.	3
	<hr/>
	14

Н о в ы й С а д ъ.

Благород. Г. Иля Стояновићъ Окр. Судаць.	1
Благопоштенор. Г. Јованъ Гвоздановићъ трг.	10

Благород. Г. Тома Теодоровиѣ Адвокатъ	2
Благопоштенор. Г. Ђока Косировиѣ	2
	<hr/>
	15

М О с ъ к ѣ .

Послао Г. Ђорђе Јанковиѣ К. С. Закр. Писаръ	
Высокоблагор. Г. Антоній Рубидо В. Ж. Совѣт	1
Благород. Г. Георгій Юрковиѣ прит. С. Чалме	1
„ „ Стефанъ Вочинчиѣ В. Ж. Перовоѣа	1
„ „ Јованъ Нешковиѣ В. Ж. Благайн	1
„ „ Георгій Крестиѣ Поджуп. Перовѣ	1
„ „ Александер Јовановиѣ Бек. тайн.	
„ Писаръ Ш. Миое	1
„ „ Никола Живановиѣ Рав. Писаръ	
„ „ К. Суда	1
„ „ Јованъ Живановиѣ Днур. К. Суда	1
„ „ Антоние Краиѣ Днурниста варош-	
„ „ кій любитель кнѣжества Србског'	1
„ „ Александ. Лужинскій мѣрникъ граѣ	1
„ „ Георгій Хаѣиѣ поште поручикъ	1
Господична Екатерина Јовановиѣ	1
„ „ Анастасия Вироваѣ	1
„ „ Софиа Јовановиѣ	1
	<hr/>
	14

О р ш а в а .

Благород. Г. Михаилъ Ђорђевиѣ Кавалѣръ и	
ц. кр. Комессаръ	1
Благопоштенор. Г. Лазаръ Поповиѣ великокуп.	2
	<hr/>
	3

П а н ч е в о .

1	Благород. Г. Юлиана одъ Яношъ ц. кр. Мајорица	1
1	„ „ Анна Баранѣ ц. кр. капетаница .	1
1	„ „ Мария Јовановићъ ц. кр. ХХХ. контрол.	1
1	„ „ Терезия Баранѣ	1
1	„ „ Екатерина Баранѣ	1
1	„ „ Олимпиада Живковићъ	1
1	„ „ Екатерина Живковићъ	1
1	„ „ Мария Јовановићъ	1
1	„ „ Емилија Јанковићъ	1
1	„ „ Юлиана Бланићъ	1
1	Господична Софиа Станисавлѣвићъ	1
1	„ „ Емилија Баранѣ	1
1	„ „ Екатерина одъ Сечуяцъ	1
1	„ „ Персида Георђевићъ	1
1	„ „ Мария Недельковићъ	1
1	„ „ Екатерина Станишићъ	1
1	„ „ Тинчи одъ Ягодићъ	1
1	„ „ Софиа Голубовићъ	1
1	„ „ Султа Михайловићъ	1
1	„ „ Александра Суботићъ	1
1	„ „ Ленчи Суботићъ	1
1	„ „ Емилија Алексићъ	1
1	„ „ Софиа одъ Јовановићъ	1
1	Благоштенород. Г. Јованъ Костићъ тргов.	1
1	„ „ Борђе Варсанъ „	1
1	„ „ Александеръ Баранѣ „	1
1	„ „ Јованъ Ж. Баранѣ „	1
1	„ „ Никола Капамаѣ „	1
1	„ „ Борђе Павловићъ „	1

Благоштенород. Г. Јосифъ Ягодићъ	„ . . .	1
„ „ Борђе Живковићъ	„ . . .	1
„ „ Јованъ Живковићъ	„ . . .	1
„ „ Петаръ Марковићъ	„ . . .	1
„ „ Василе Трпковићъ	„ . . .	1
„ „ Петаръ Николићъ	„ . . .	1
„ „ Коста Срдановъ	„ . . .	1
„ „ Радисавъ Петровићъ трг.		1
„ „ Јованъ Урошъ Јовановићъ		
„ „ тргов. за сына Петра		2
„ „ Никола Поповићъ тргов.		1
„ „ Јованъ Шушманъ	„ . . .	1
„ „ Светозаръ Дорићъ	„ . . .	1
Поштенород. Г. Георгій Станковићъ Лебцелд.		1
„ „ Крста Димковићъ Лебцелд.		1
„ „ Стеванъ Алексићъ Шнайдеръ		
„ „ засына Јована		1
		<hr/>
		46

Р у м а.

Благопоштенор. Г. Петаръ Лакићъ трговаць		5
„ „ Панта Николићъ абація майст.		
„ „ и трговаць		5
„ „ Бока Димитриевићъ тргов.		
„ „ за супругу свою Христину и		
„ „ сына Михаила.		5
„ „ Теодоръ Дамяновићъ за кће-		
„ „ ри свою Мицу и Драгињу		2
		<hr/>
		17

Сомборъ.

Высокоблагор. Г. Исидоръ Николићъ царскій по- вѣреникъ и Управитель Бачке Области . . .	2
Благор. Г. Јованъ Ранћъ Гл. Секретарь . . .	2
Благопоштенор. Г. Симеонъ Бикарь трг. . .	1
	<hr/>
	5

Темишваръ.

Благопоштенор. Г. Димитрій Авраамовићъ трг.	1
„ „ Филипъ Вуя тргов. . .	1
„ „ „ „ „ „	
	<hr/>
	2

Княжество Сербия.

Београдъ.

Послао и скупио Благород. Г. Р. И. Момировићъ	
Высокородна Господ. Стефанъ Стефановићъ През.	
Совѣта Генераль Маіоръ, Кавалѣръ . . .	2
Константинъ Николаевићъ бывший капуѣахая у	
Цариграду	5
Милосавъ Ресаваць Членъ Совѣта Полков. Кав.	2
Матей Ненадовићъ членъ Совѣта Полк. Кавал.	2
Стефанъ Стояновићъ „ „ „ „	2
Милутинъ Петровићъ „ „ „ „	2
Павле Станишићъ „ „ „ „	2
Јованъ Вельковићъ „ „ „ „	2
Бѣремъ Ненадовићъ „ „ „ „	2
Стоянъ Јовановићъ „ „ „ „	2
Стефанъ Марковићъ „ „ „ „	2
Илиа Новаковићъ за сына Перу Чл. Сов. П. Кав.	2
Высокоблагор. Г. Јованъ Стейићъ Главный Се- кретарь Совѣта Кавалѣръ . . .	2

Благор. Г. Александеръ Бурићъ млађи Секрет.	
Совѣта за сынове: Тому и Паю	2
Влагород. Г. Симеонъ Весовићъ Столоначал. Со-	
вѣта за свое ћери	2
„ „ Илия Маргетићъ Књиговод. Глав.	
Контроле	1
„ „ Христифоръ Соларъ I. Класе рач.	1
„ „ Јованъ Савићъ I. Класе рачуносп.	1
„ „ Михаиљ Ј. Радивовић I. Кл. рач.	2
„ „ Родосавъ Поповићъ III. Кл. рачун.	1
„ „ Анђелко Ј. Стефановићъ III. Клас.	
рачуноспит.	1
„ „ Јованъ С. Марковићъ IV. Кл. рач.	1
„ „ Александеръ Лазаровићъ V. Кл. р.	1
„ „ Николај Тасићъ Столоначали. Ап-	
пеллац. Суда.	1
Благопоштенород. Г. Вучко Анђелићъ трговацъ	1

44

Послоо Благород. и Высокоученый Г. Константинъ Бранковићъ Профессоръ Философие у Лицеуму К. С.; а скупно Г. Теофилъ Н. Спасовићъ Слуш. Стихотворства у Гимнасиі Београдској.

Г. Г. Слушатели Стихотворства: Јованъ Антонијевићъ, Димитрије Јоксићъ, Ђфремъ Гудовићъ, Теодоръ П. М. Радойковићъ и Торђе Бурићъ. — Слушатели Краснорѣчја: Јованъ Јакowlъвићъ, Миланъ Михайловићъ, Милосавъ Веселиновићъ, Никола Вранялићъ, Радованъ Пенћъ, Савва Илићъ, Станиславъ Јовановићъ и Михаиљ Концуловићъ.

13

Скупно Димитрие Павловићъ Ученикъ Ш. гим. разреда. Благонадеждна Г. Г. Ш. разреда гим: Антоние Борђевићъ, Јованъ Димитријевићъ, Марко Вуковићъ изъ Рудника, Мелентие Симићъ, Миланъ Т. Дамяновићъ изъ Буприе и Петаръ Селићъ изъ Пожаревца. — II. гим. разреда Иванъ Х. Теодоровићъ изъ Бугарске и Михаилъ Новаковићъ. I гим. разреда: Димитрие П. Бошковићъ, практ. Попеч. Финансне.

10

Скупно Г. Дамянь Поповићъ, Осмотритель Лицеума К. С. — Бларородный и високоучевый Г. Константинъ Бранковићъ Профессоръ Философие у Лицеуму Княж. Србског', Членъ ученогъ Друштва и пр. 5

Высокоуч. Г. Павле Радовановићъ Слуш. Права I. год. 1

„ „ Василие Ж. Живановићъ, Войвођанинъ, Слуш. I. год. Права 1

7

Тамишкій Банатъ.

Л и п о в о.

Послао Благопоштенород. Г. Филиппъ Вуя трг.

Благопоштенор. Г. Г. Браћа Антонијевићъ трг. . 1

„ „ Борђе Белићъ трг. 1

„ „ Васа Биличъ трг. 1

„ „ Алекса Симићъ трг. 1

„ „ Григорій Янковићъ трг. 1

„ „ Борђе Янковићъ трг. 1

„ „ Стефанъ Ковачевићъ трг. . . . 1

Благор. Г. Даниль Камер. Испань	1
Благопошт. Г. Александеръ Янковићъ	1
„ „ Мойсей Антоновићъ	1
	<hr/>
	10
Т и т е л ь.	
Послао Благопоштенородни Г. Михаилъ Крестићъ, трг. н ревност. Србинъ.	
Честиѣйшій Г. Стефанъ Богдановићъ Свеште- никъ и конс. членъ	1
„ „ Атанасиѣ Поповићъ „ „	1
Высокоблагород. Г. Димитр. Ивковъ цкр. пенз. Маіоръ	1
Благород. Г. Теодоръ Добановачкій цкр. Капе- танъ Шайк. Бат.	1
„ „ Симеонъ Поповићъ цкр. Оберлайтн. Шайк. Бат.	1
„ „ Василиѣ Босинъ цкр. пенз. Обрл. Шайк. Бат.	1
„ „ Божидаръ Димитриѣвићъ цкр. пенз. Обрлайтн. Шайк. Бат.	1
„ „ Логгинъ Радинъ цкр. Лайтнант Ш. Батат. за кѣеръ Милицу	1
„ „ Вениаминъ Воиновъ цкр. Грундбухе- фир. Шайк. Бат.	1
„ „ Евтимие Давидовићъ Паробродске Агенциѣ Чиновн.	1
Благонадежн. Г. Стефанъ Вуйиъ Слушатель Ма- тематике	1
Господична Ефимия Сурдучкій, кѣи цкр. пенз. Обрстлайтн. Стефана Сурдучкогъ	1

Благопоштенор. Г. Павле Натошевићъ купаць изъ Сланкамена	1
„ „ „ Марко Јовановићъ купаць изъ Панчева	1
„ „ „ Јова Илићъ куп. изъ Перлеза	1
„ „ „ Димитрие Мушицкiй купаць изъ Лока	1
Поштенород. Г. Василие Јовановићъ житель Чуружскiй	1
„ „ „ Наумъ Јовановићъ Кожухар- скiй Майсторъ изъ Титела	1
Благонадеждни Ученицы Србског' Училишта:	
Александеръ Лалинь	1
Любомиръ Поповићъ	1
Благонадеждне ученице: Христина Сомбораць	1
Юлиана Лозановъ	1
	<hr/>
	22

Княжество Влашко.

Букурешть.

Нѣгова Свѣтлость Князь Милошь Т. Обреновићъ	30
Благород. Г. Константинъ одъ Хадия Кавалѣръ русскiй	5
Благоштенород. Г. Браћа Авраамовићъ вели- кокупцы у Ибраилу	5
	<hr/>
	40

Царство Турско.

Цариградъ.

Нѣгово Преосвещенство Стефанъ Ковачевићъ Епископъ Лаодикiнскiй, Архiereй Бялгарскiй	20
--	----

Рисуні 396/1/1

Высокород. Г. Антонъ Михаиновичъ цкр. Генералъ	5
ный Консуль	
Благород. Г. Јованъ Папреница II. Капетанъ	
Пароброда: „Wien“ на црномъ Мору.	5
Благор. и Высокоу. Г. Константинъ Раносъ.	1
Благород. Г. Јованъ Радосавлѣвичъ II. Канцлеръ	
цкр. Австр. Консулата	2
Благопошт. Г. Христо и Никола Тапчалецій ве-	
ликокупцы родомъ Калоферцы	2
Благопоштен. Г. Никола Живковиъ Капетанъ	2
„ „ „ Барба Буро изслушеный Капет.	2
Благопоштенор. Г. Јованъ Перановиъ трг.	
за сынове Мату и Поликарпа	1
Благоштенор. Лука Милиновиъ Капет. морскій	1
Благород. Г. Владимиръ Вукасовиъ Кап. морскій	1
„ „ Трифунъ Бербековиъ „ „	1
„ „ Михаило Милосадѣзаъ „ „	1
„ „ Видо Каменаровиъ „ „	1
„ „ Јованъ Вуиновиъ „ „	1
„ „ Трифунъ Бедовиъ „ „	1
„ „ Богданъ Црногорчевиъ „ „	1
„ „ Христофоръ Балтиъ „ „	1
„ „ Илия Русовиъ „ „	1
„ „ Богданъ С. Бурановиъ „ „	1
„ „ Гаврило Лубардиъ „ „	1
„ „ Никола С. Вукасовиъ пис. морс.	1
„ „ Ј. Вицковиъ писарь морскій	1

Високоу. Г. Антонъ Михаиновичъ цкр. Генералъ
ный Консуль

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P19 Ср II 396/1.1